

ГОЛОСЪ
ЖИЗНИ
915 N-15

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 15.

Ив. Нурдюмовъ. „Еврей“ (статья).
Поликсена Соловьева. „Молчаніе“ (стихотвореніе).
Сергій Городецкіи. „Слезный отдыхъ“ (разсказъ).
Георгій Чулковъ. „Всадники“ (статья).
В. Брусняинъ. „Вечера корпи“ (разсказъ).
Н. Долговъ. „Паюсъ Чехова“ (статья).
Вал. Моравскій. „На Тихомъ океанѣ“ (статья).
ВѢСТИ и МНѢНІЯ Пслѣдніе концерты Кусевичкаго, статья С. аго
Н-ва. — „Кустарный трудъ“. Д. Крючкова. — „Прашуръ рус-
скаго футуризма“. Н. Лернера. — „Великолестное чтеніе“. —
„Библиографическія поправки“. Александра Тинякова.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Левъ Бруни. Рисунокъ (стр. 13).
Л. Квятковскій. 3 рисунка (стр. 7, 10, и 17).
Коровкинъ. Заставки (стр. 5, 6, 15 и 16).
Д. Митрохинъ. Заставка (стр. 18).
Б. Поповъ. Памятникъ Суворову (стр. 11).
А. Сорова. 2 рисунка (стр. 2 и 3).
Военныя иллюстраціи: „Послѣ боя“ (2 снимка офицера, стр. 3).
„Въ Аргоннахъ“ (стр. 8 и 9). „Телефонъ въ окопахъ“. „Въ воронку“
(снимки офицера, стр. 15). „Искровая станція“ (стр. 19).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Пріемные часы: вторн. и пятн., отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовыя марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, В. Брусняинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгіевскій, С. Городецкіи, Л. Добронравовъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирецкіи, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайніи, Д. Крачковскій, Д. Крючкова, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезинчъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, Н. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагиняинъ, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Е. Псковиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Сорова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.
Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО), съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ и ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Лица, подписывающіеся на журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ съ книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО, просятъ **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„съ сочиненіями Л. ТОЛСТОГО“, указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. 82 (полное собраніе ВСѢХЪ сочиненій) или 50 (собраніе ТОЛЬКО беллетристическихъ произведеній). Въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіяхъ Л. Н. ТОЛСТОГО подписка будетъ зачисляться въ абонементы № 1 или № 2 (соотвѣтственно количеству высланныхъ денегъ), канъ наиболѣе требуемые.

СЛОВАРЬ-ТОЛКОВАТЕЛЬ

составленъ нѣсколькими филологами и педагогами по извѣстнѣму словарю: Дала, Манарова, Павловскаго, Гейзе, Бронгауза, Березина, Гильдебрандта и многихъ другихъ. Въ этомъ компактномъ изданіи А. А. Каспари (3408 столбцовъ) каждыи, кому необходимо навести справку о какомъ либо понятіи или словѣ, найдетъ толковое объясненіе съ историческими справками и проч. С.-Петербургъ. Цѣна за оба тома въ перепл. и съ перес. 3 рубля.
Требованія адресуются Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

ДВА СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

(романовъ, повѣстей и разсказовъ) извѣсти. писателни.

Е. О. ДУБРОВИНОЙ.

Во всѣхъ произведеніяхъ Е. О. Дубровиной, отличающихся увлекательностью и интересомъ, чувствуются горячее стремленіе къ свѣту и идеаламъ, протестъ противъ угнетенія личности; чтеніе ея романа доставляетъ истинное удовольствіе.

ПЕРВОЕ собраніе въ десяти книгахъ заключаетъ романы и повѣсти: 1) „Сфинксъ“, 2) „Ящикъ Пандоры“, 3) „Возмездіе“, 4) „По бѣда любви“, 5) „Мертвецы-мстители“, 6) „Сила долга“, 7) „Тѣни и вѣра“, 8) „Отъ плахи къ почести“, 9) „Чертова кукла“ и 10) „Ясновидѣніе умирающей“.

ВТОРОЕ собраніе въ девяти книгахъ заключаетъ романы, повѣсти и разсказы: 1) „Божья“, 2) „Жизнь за жизнь“, 3) „Опомчелась“, 4) „Въ заколдованномъ кругу“, 5) „Чѣмъ жить?“, 6) „Въ туманѣ жизни“, 7) „Пристроилась“, 8) „Дѣти гонимыя“, 9) „Гаданье“, 10) „Сѣмена и всходы“, 11) „Та или не та“ и 12) „Въ тенетахъ любви“.

Цѣна КАЖДАГО собранія—ДВА (2) рубля съ пересылкой
Выписывающіе ОБА собранія платятъ только 3 р. 50 к.

Требованія адрес. Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 15

8 апрѣля 1915 г.

И. В. КУРДЮМОВЪ.

ЕВРЕИ.

Варшавскій обывательскій комитетъ проситъ выслать изъ Варшавы евреевъ. Рѣчь идетъ о „бѣженцахъ“ изъ мѣстечекъ, т. е. о голодныхъ, измученныхъ, разоренныхъ и больныхъ людяхъ, которымъ—предоставляю слово „Восходъ“—„недавно въ трагически пришлось внезапно покинуть родныя мѣста, зимнюю стужу тащить съ собою стариковъ и младенцевъ и бросить на произволъ судьбы свое послѣднее достояніе“. Просту говоря: изъ насиженной годами „осѣдлости“ выжили нѣмецкія ядра или распоряженія начальства; имущество, какое было какое, уничтожено или брошено, заработки потеряны; впереди—нищета и голодь; а тутъ, не давши даже передохнуть, снова собираются гнать. Куда? Подумалъ ли комитетъ бы объ этомъ комитетъ?

Ну, конечно онъ объ этомъ подумалъ. Варшавскій обывательскій комитетъ, какъ извѣстно,—учрежденіе благотворительнаго характера. Онъ созданъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ войны. Вотъ онъ и благотворитъ, вотъ онъ и оказываетъ помощь. Если бѣженцы, которыхъ „погоняютъ“ и которыхъ въ настоящий моментъ прямо-таки некуда гнать (такъ какъ мѣста, куда ихъ физически и юридически можно было бы еще выслать, просто-напросто не существуетъ въ Европѣ): если эти бѣженцы отъ голода и усталости поспешно перемрутъ, то вѣдь это же—для нихъ счастье. Неужели я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе жалеть, которые живутъ доселѣ“. Варшавскій обывательскій комитетъ—не только филантропическое учрежденіе, онъ еще и политическое учрежденіе, основательно знакомое съ Библией. Неизвѣстно, будетъ ли уважено филантропическое и политическое ходатайство варшавскихъ благотворителей. Вѣдь для ходатайства въ этомъ родѣ получили (за послѣдніе годы) одобреніе. Кромѣ филантропій и религій въ Польшѣ действуют „Два Гроша“. У этой (очень ходкой) газетки общее съ обывательскимъ комитетомъ, что и тутъ, и тамъ главнѣйшимъ является г. Дмовскій, лидеръ партіи „национальной демократіи“. Въ комитетѣ г. Дмовскій благотворитъ, въ „Двухъ Грошахъ“ демократствуетъ:

«Съ первыхъ же дней войны (сообщаетъ «Восходъ») листы этого почтеннаго органа стали наполняться самыми разными инсинуаціями противъ евреевъ и недвусмысленными обвиненіями въ германофильствѣ и массовомъ шпіонствѣ. Это онъ пустилъ впервые версію о гробахъ, наполненныхъ золотомъ для вывоза въ Германію. и изо дня въ

день печаталъ именныя доносы на ни въ чемъ неповинныхъ людей, въ расчетѣ на безнаказанность сверху и на легковѣрїе въ низахъ польской массы. Ему вторили другіе органы, и отъ нихъ навѣтъ перешелъ на столбцы русской антисемитической прессы».

Извѣстно, что изъ этого вышло. „Два Гроша“ обезлюдили вѣроятно не меньше еврейскихъ мѣстечекъ, чѣмъ всѣ нѣмецкія пушки, вмѣстѣ взятыя. И вотъ бѣженцевъ, согнанныхъ правой рукой г. Дмовскаго (бряцающей „Двумя Грошами“), пытается теперь подхватить лѣвая рука г. Дмовскаго (распоряжающаяся обывательскимъ комитетомъ)—и эти руки, разныя, но согласныя, норовятъ продолжать свою благотворительно-политическую игру, впредь до превращенія бѣженцевъ въ обезкровленный комокъ мяса. А еще философы жалуются, что идеологія безсильна!

Въ Варшавѣ, Вильнѣ, Шкловѣ, Бердичевѣ сидятъ сейчасъ выгнанные изъ своихъ мѣстъ, разоренные, бездомные люди, сидятъ нищій, голодные, безработные, сидятъ и ни на что не надѣются. Возможно, что г. Дмовскій и правъ и что для нихъ лучше всего умереть. Но, кромѣ этихъ, окончательно обездоленныхъ, въ Россіи, Царствѣ Польскомъ, Галиціи живутъ еще миллионы людей, принадлежащихъ къ тому же племени, исповѣдующихъ ту же вѣру, и въ душѣ

этого многомиллионнаго народа, существующаго тысяча лѣтъ, породившаго апостоловъ и пророковъ, Филона Александрійскаго и Спинозу, первыхъ христіанскихъ мучениковъ и глубочайшихъ средневѣковыхъ мистиковъ, постепенно угасаетъ надежда. Та послѣдняя ступень безпартійности, до которой вещественно и физически дошли злочастные варшавскіе бѣженцы, духовно выступаетъ уже въ сознаніи всего находящагося въ Россіи еврейства. „Не бойтесь убивающихъ тѣло, бойтесь убивающихъ душу“—сказано въ переведенной съ еврейскаго языка на греческій „Логіяхъ“ апостола Матоея, самой (какъ нынѣ признано богословской наукой) древней и подлинной книгѣ христіанства. То же, что теперь происходитъ въ еврейскомъ вопросѣ, можно ли назвать иначе, какъ убіеніемъ души цѣлаго народа?

Среди грозныхъ тѣней войны самая зловѣщая тѣнь упала на евреевъ. Воскресаютъ Польша, Галиція. Съ надеждой поднимаютъ глаза угнетенныя славянскія племена, угнетенныя азіатскія племена. Ждутъ своего освобожденія армяне, друзья, сиринцы, мерещится возрожденный Багдадъ меккскимъ и вавилонскимъ арабамъ. Востокъ Европы и западъ Азіи пере-

живаютъ какой-то національный и политическій свѣтлый праздникъ. И лишь евреямъ суждено вспоминать (о немъ сказанное, къ нимъ обращенное) свидѣтельство апостола Павла:

„Иные же замучены были, не принявши освобожденія, дабы получить лучшее воскресеніе; испытали поруганія и побои, узы и темницу; были побиваемы камнями, переплываемы, подвергаемы пыткамъ; умирали отъ меча, скитались въ молотяхъ и козыхъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія. И всѣ сіи, свидѣтельствоваанные въ вѣрѣ, не получили общаго“. (Посланіе къ евреямъ XI, 35—39.)

Апостоль предвѣщаетъ за это лучшее воскресеніе—„ибо не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о тайнѣ сей... что такъ весь Израиль спасется, какъ написано: придетъ отъ Сіона Избавитель и отвратитъ нечестіе отъ Іакова“. (Посланіе къ Римлянамъ XI, 25—26.)

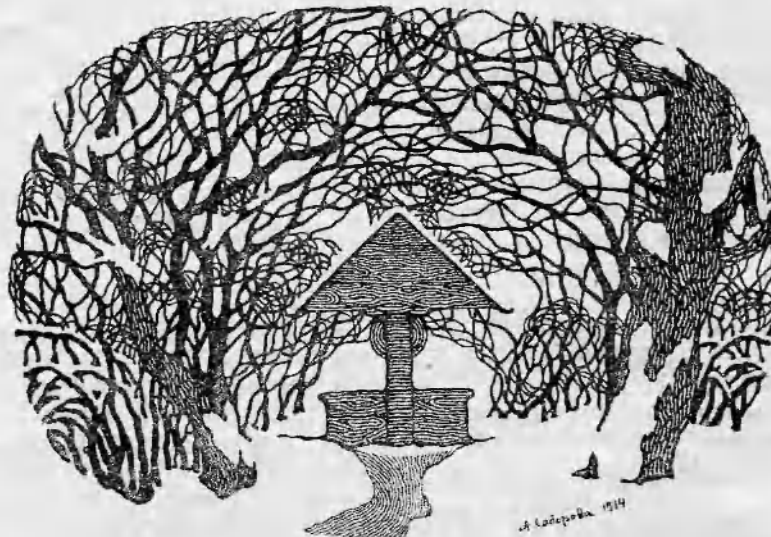
Не единственное ли это, на что еще могутъ уповать еврей?

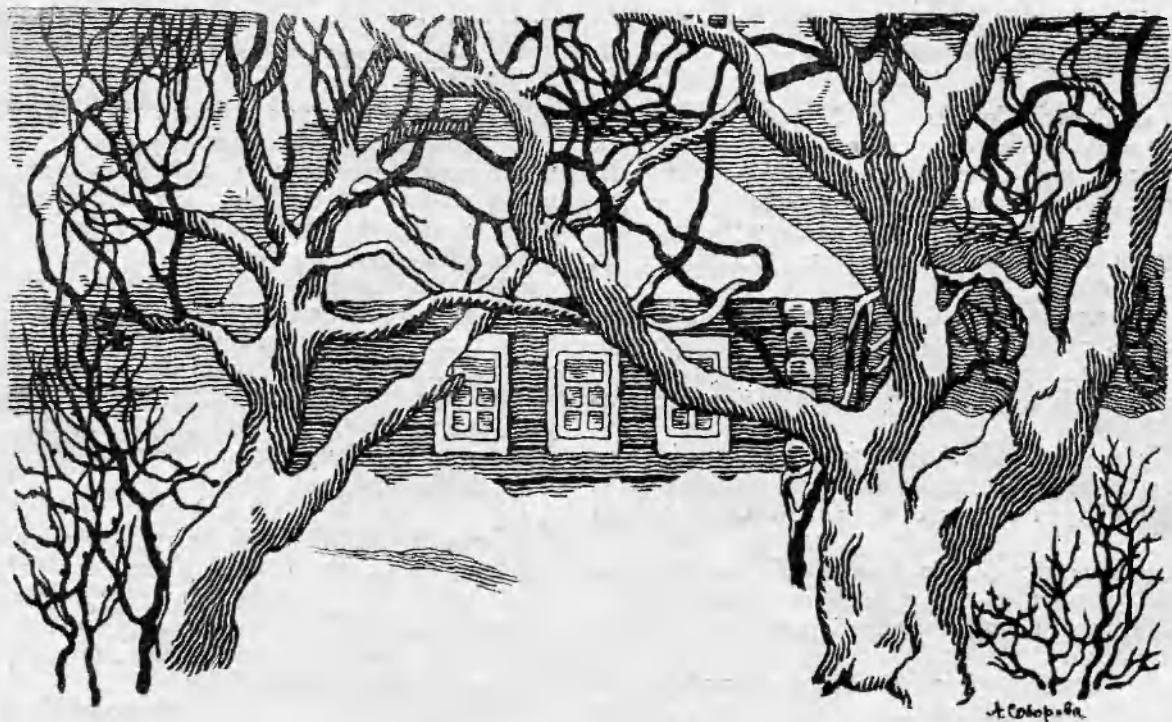
Ив. Курдюмовъ.

МОЛЧАНІЕ.

Въ садѣ, какъ древле, пришла Магдалина,
Но никто тамъ не встрѣтился ей.
Золотистымъ цвѣтеньемъ маслина
Сѣдины не прикрыла вѣтвей.
И, какъ черный, застынувшій пламень,
Мутный воздухъ пронзилъ кипарисъ
Остѣнивъ отодвинутый камень,
Крылья бѣлыя къ ней не взвились,
Не зияетъ пещера пустая,
Лишь у входа темнѣетъ печать.
«Не раскрою вопросомъ уста я,
Не обрадую скорбную Мать».
И молчатъ, и молчатъ Магдалина,
И деревья, и камни молчатъ.
Слово можешь имъ дать Ты, Единный,
Ты, съ Креста низошедшій во адъ.

Поликсена Салабиева.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІИ.

СЛЕЗНЫЙ ОТДЫХЪ.

— Ежели ты, Дунька, шкура твоя немытая, и модня на проспектъ не выйдешь, я тебя съ квар- ты сгною, какъ Богъ святъ, сгною!

Такъ кричала хозяйка, женщина бѣлая и дебелая, вѣстная своей добротой Олимпиада Власьевна, бѣ- я по дунькиной комнатѣ и на-бѣгу то оправляя рхатную въ пятнахъ скатерть, то переставляя сѣ- вѣ въ замасленныхъ чехлахъ кресла. Все ея курно- се, расплывшееся, ожирѣвшее лицо, съ котораго никакая жизнь не могла согнать смоленской смы- ленной миловидности, дышало гнѣвомъ и негодо- ваньемъ. А ужъ когда Олимпиада Власьевна гнѣва- лась, значить, было за что. Это знали во всемъ реулкѣ, знала это и Дунька.

Она сидѣла на диванѣ, въ желтомъ своемъ ка- тѣ. въ сѣрыхъ высокихъ ботахъ на босу ногу. худенькія, бѣлыя ручки безпомощно лежали на ко- нахъ. Свѣтлые, поношенные, пепельнаго цвѣта, досы кое какъ были собраны на затылкѣ. Лицо ея, строносенское, съ сѣрыми, ушедшими подъ при- шпіншя вѣки, глазами, съ поблекшимъ и потерявшимъ рму ртомъ, было заплакано.

Дунька скулила съ утра, а теперь ужъ были мерки. Сѣрый свѣтъ съ желтоватымъ оттѣнкомъ, торый придавали ему окраска стѣнъ дома, послѣд- ній свѣтъ чахлаго зимняго дня, едва освѣщали мнату и двухъ женщинъ.

Въ углахъ скопилась уже мгла, усиливаемая ча- рь изъ кухни, покинутаго Олимпиадой Власьевной я того, чтобъ выбрать жилищу.

Доходя до угловъ, хозяйка пропадала въ нихъ, томъ опять выплывала съ новыми потоками словъ:

— Ты, Дунька, добротой моею не утѣшайся. Думаешь, держала долго, такъ еще подержу? Нѣтъ, милая! Мнѣ тоже даромъ жить не позволяютъ. Най- дутся и безъ тебя другія, которыя будутъ работать. Оно конечно, ты—дѣвушка тихая, безъ скандала, и ужились мы съ тобой, сдружились. Но за дружбой дѣла забывать нельзя. Вонъ дворникъ за окномъ стоитъ, ждетъ, чѣмъ кончится.

Дунька взглянула за окно на дворъ. Низко были окна, чуть не на землѣ лежали. Младшій вправду стоялъ и спокойно смотрѣлъ въ окно, какъ въ свое вполне подвластное ему мѣсто. Толстое молодое лицо его не выражало никакого любопытства. Онъ просто исполнялъ свою службу.

Дунькѣ стало тошно отъ того, что дворникъ стоитъ и смотритъ въ ея комнату. И такъ ужъ не было у нея никакого угла, куда могла она укрыться, а подъ взглядомъ дворника совсѣмъ, какъ на сквоз- някѣ, какъ на улицѣ, почувствовала она себя.

Невольно оглянула свою комнату. Все было гадко, неприбрано, ненужно. Отъ стѣнъ, испещренныхъ картинами, вѣрами и открытками, кружилась голова. За тяжелой красной ширмой горой стояла кровать. Мутное зеркало все отражало, искажая и искривляя.

Плотнѣй забилась Дунька въ уголъ дивана, ноги вынула изъ галошъ, подъ капоть подобрала. Съежи- лась вся, скорчилась. Плакать захотѣлось такъ сильно, что едва удержалась она.

А хозяйка все бѣгала по комнатѣ, поправляя на- бѣгу тщательную свою прическу, все говорила:

— И чего тебѣ ревѣть съ утра и до ночи—не понимаю! Дѣвушка ты—хорошая, гости тебя ува-

жають, не бьютъ. Со всякимъ обойтись умѣешь. Ну, убили одного, другихъ много будетъ. Да брось ты журналы эти, или я всё ихъ въ печкѣ сожгу!—накинулась она на Дуньку, видя, что она жадно выхватила раскрытый номеръ какого-то журнала, изъ кучи газетъ и журналовъ, наваленной на этажеркѣ, подъ корсетомъ.

Но Дунька не могла больше сдерживать слезъ. Уткнувшись лицомъ въ журналъ, она завывала протяжно, забывая про все, кромѣ своего горя.

Олимпиада Власьева въ изнеможеніи всплеснула руками:

— Ну и жизнь моя, тьфу ты, окаянная! Хоть въ петлю полѣзай, право слово!

Сильная струя горячаго кухоннаго чада пахнула ей въ лицо.

— Ужъ не котлеты ли горять, бѣда къ бѣдѣ!—визгливо воскликнула она и побѣжала въ кухню.

Дворникъ за окномъ плюнулъ и пошелъ лѣниво въ подворотню.

Дунька плакала, прерывая плачь вздохами и вскриками и поливая слезами своими затасканный номеръ журнала.

* * *

Въ этомъ журналѣ раскрытая страница вся была замѣшена маленькими портретами воиновъ, убитыхъ и раненыхъ въ бояхъ. Плохо были сдѣланы портреты, лица вышли мелкими, похожими одно на другое.

Въ верхнемъ ряду, подъ крайнимъ портретомъ подписано было:

«Прапорщикъ Ивановъ. Убитъ».

Подъ нимъ и плакала Дунька.

Не бѣда, дунька такого обычая, чтобъ гостей любить и прививать къ нимъ. Отучила она себя отъ этого пошатъ и сколько жестокихъ огорченій, пережившихъ на своей долю въ началѣ городской жизни. Но весной познакомилась она съ молодымъ человекомъ, по фамилии Ивановъ, неизвѣстныхъ занятій.

Хорошая была весна, теплая, влажная. Дунька жила тогда больше по каналу. Отмякшія, мокрыя вѣтки деревьевъ, щебетъ воробьевъ обманывали ее, надоминная деревню.

Приехала она къ себѣ Иванова, весела была съ нимъ. Смѣшная была у него родинка, какъ мышьяная пукерка, на щекѣ. Ушелъ Ивановъ, и почувствовала Дунька, что влюбилась.

Ходилъ онъ очень рѣдко. Тихо и подолгу ждала его Дунька. Последній разъ пришелъ онъ въ срединѣ лѣта и сказалъ, что война и что онъ уходитъ. Больше его и не было.

Сначала Дунька будто и не замѣтила его ухода. Работы много было. Мѣсяца, перезъ два получила отъ него открытку, гордилась ею, всѣмъ показывала. Съ открыткою этой и началась тоска. Стала она бояться, очень, что, убьютъ его. Жадно покупала журналы, гдѣ печатались портреты воиновъ. Къ гадкѣ ходила. И все-таки насталъ день, когда она увидѣла портреты съ подписью: «Прапорщикъ Ивановъ»—и рѣшила, что это онъ, милый убитый.

Въ этотъ день не вышла она на просекъ. Хозяйка ничего ей не сказала. Можно и не каждый день дѣвушка гулять. Дунька не пошла и на другой день и на третій. Не могла. Только сидѣть,

забившись съ ногами въ уголъ дивана, могла она теперь и плакать, глядя на портретъ. Казалось ей, что портретъ этотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на ея милаго. Тѣ же круглые глаза, то же безусое лицо, только прическа новая. Хотѣлось ей оченъ разглядѣть мышьяную родинку на щекѣ, до слезъ смотрѣла, но не разглядѣла ничего.

Пошли теперь тяжелые дни. Хозяйка бранится своя тоска измучила, и конца горя не видно. Ужъ не разъ дѣвушка брала пудру и подправляла брови карандашомъ, даже шляпу надѣвала, а видти на улицу не могла. Такъ и стоитъ убитый милый предъ глазами, идти не пускаетъ.

И хозяйку жалко.

* * *

Котлеты у Олимпиады Власьевны вправду сгорѣли, вкусныя котлеты, изъ варсенаго мяса съ лукомъ. Чаша полна квартира.

А все Дунька!

Съ досады выскочила Олимпиада Власьева изъ лѣстницу, стала думать.

Женщина она съ образованностью. Хорошую жизнь знала. Неужели же теперь съ доукой этой не справится? Жалко вѣдь дѣвушку. Да и новаго еще осѣнила мысль. Она бросилась къ Дунькѣ въ комнату, зажгла лампу—совсѣмъ уже стемнѣло.

— Покажи портретъ!

Дунька нехотя разсталась съ журналомъ.

— Какой?

— Вотъ этотъ.

Олимпиада Власьева поднесла журналъ къ огню, взглядылась и воскликнула:

— Да ты ослѣпла, дѣвушка! Это—не онъ, рука отсохни, не онъ. У этого глаза подо лбомъ сидятъ, а у твоего посреди лица, миловидно такъ поставлены. А что подписанъ Ивановымъ, такъ мало ли съ этой фамилией мужчинъ? Я думаю, у одной тебя десятковъ знакомыхъ наберется. Ты посмотри хорошенько!

Дунька съ утихающими рыданьями отвѣтила:

— Онъ это, Олимпиада Власьева, онъ. Сердце мое знаетъ.

— Ну, и упряма ты, дѣвушка. Ну, погоди! Дай мнѣ этотъ журналъ. Да не бойся, дура, я не жевать беру его. Живо одѣваться! Ты еще безъ рубашки! Съ утра, въ чемъ мать родила, сидишь? До чего ты дошла, Авдотья! Вѣдь этакъ и пропасть человѣку недолго. Одѣвайся скорѣй во все хорошее, ѣдемъ.

— Куда?—робко спросила Дунька.

Ѣздила она только въ магазинъ готоваго платья, когда набирались деньги.

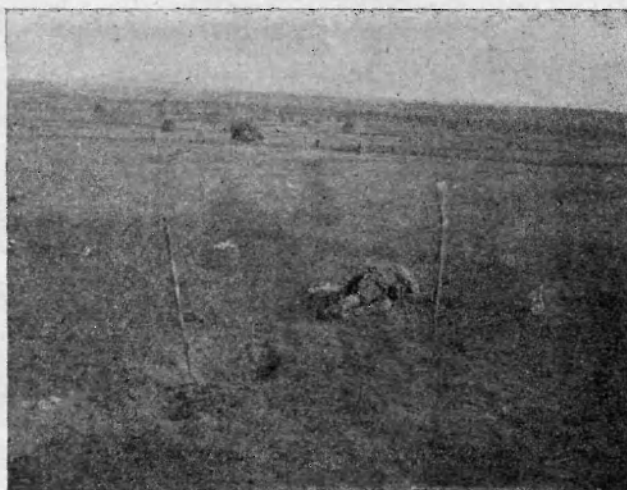
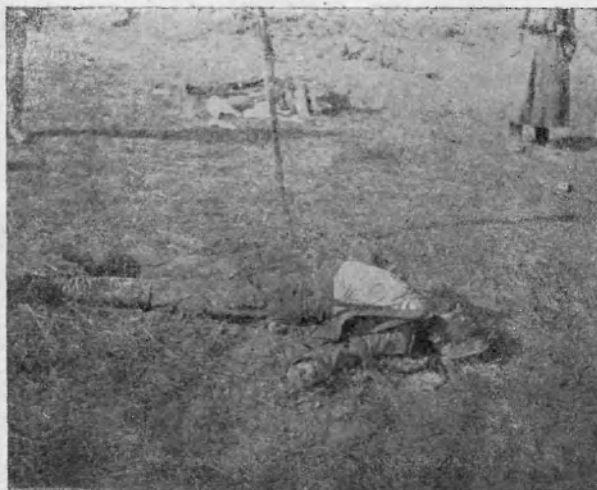
— Молчи!—торжественно отвѣтила ей хозяйка:—я тебѣ покажу, что это—не онъ.

Черезъ полчаса двѣ дамы въ пышныхъ шляпахъ подѣхали къ редакціи журнала, номеръ котораго везли онѣ съ собой.

Ихъ допустили къ секретарю, потому что онѣ сказали, что приѣхали по военному дѣлу.

Черный важный секретарь не смутилъ Олимпиады Власьевны.

— Вотъ у барышни этой женихъ убитъ, и у васъ портреты ихъ пронечатанъ. Онѣ плачутъ днемъ и ночью. Желательно удостовѣриться, точно ли свой

Послѣ боя. (Снимки офицера.)

человѣкъ убить. Скажите, вы съ него портретъ снимали?

— Нѣтъ, съ фотографіи, — улыбаясь отвѣтил секретарь: — поождите, я принесу вамъ ее.

Дамы долго ждали въ приемной, выпили весь кофе и чаю.

Когда вошелъ секретарь въ сопровожденіи двухъ какихъ-то людей мрачнаго вида, Дунька бросилась къ нему и, почти вырвавъ у него изъ рукъ фотографію, жадно впилась въ нее глазами.

Вошедшіе люди внимательно осматривали дамъ. Что были беллетристы, искавшіе темъ для военныхъ разсказовъ.

Не замѣчая ихъ взглядовъ, Дунька отыскала глазами образъ и быстро перекрестилась.

— Это—не онъ, совсѣмъ не онъ! Мышиной рожицы нѣтъ, и вовсе не похожъ! — торопливо, сама собой, заговорила Дунька.

Беллетристы не спускали глазъ съ нея.

— А я тебѣ что говорила? — торжествующе спрашивала Олимпиада Власьевна, — отдавай же портретъ! Достовѣрилась, и теперь можешь успокоиться.

И она свѣтскимъ жестомъ передала фотографію секретарю:

— Благодарю васъ, молодой человѣкъ. Богъ съ вами вознаградитъ за вашу доброту, а намъ домой пора, до свиданья.

Она проплыла къ дверямъ, увлекая за собой Дуньку.

На извозчикѣ, видя, что оторопь не покидаетъ Дуньку, она сказала:

— Чего ты сидишь истуканомъ? Другая бы, поймавъ въ обществѣ, такимъ козыремъ сидѣла бы, по всякій заглядѣлся бы, а ты сова совой. Очнись! Тебѣ теперь тебѣ поблажки не будетъ. Заѣдемъ въ кухмистерскую пообѣдать — кутить такъ кутить, — а потомъ и за дѣло, матушка. Ишь, глаза наплакала слезные, какъ у щенка. Я дамъ тебѣ капелючку выпустить.

Дунька слушала ее не слыша.

Зимняя погода портилась, падалъ мокрый снѣгъ, извозчикъ тащился лѣниво. Сѣрые, мрачные дома тянулись по обѣ стороны. Небо было свинцовое, безъ просвѣта.

Противень былъ обѣдъ въ кухмистерской. Противно было входить домой, въ свою квартиру, откуда еще не вышелъ чадъ.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Дунька разрыдалась, какъ была въ пальто и шляпѣ. Но это были совсѣмъ другія слезы, чѣмъ тѣ, которыми она оплакивала своего милаго, когда думала, что онъ убитъ.

Онъ еще живъ, онъ можетъ вернуться, можетъ придти!

Отдохнула Дунька въ этихъ радостныхъ слезахъ. На душѣ стало спокойнѣе.

А привычка дѣлала свое дѣло.

И, видя темноту, чувствуя тотъ часъ, когда надо выходить на улицу, Дунька закричала въ корридоръ:

— Олимпиада Власьевна! Дайте огоньку! Лицо поправить надо.

— Сейчасъ, голубушка, — съ готовностью отвѣтила хозяйка. — Ну, вотъ и хорошо, вотъ и ладно будетъ! — она гладила по головѣ Дуню, поднимала ее шляпу съ пола, зажигала огонь, чувствуя опять благополучіе въ своемъ домѣ.

Ужъ загорались фонари, когда Дунька вышла изъ воротъ, нѣсколько сильнѣй подрисованная, чѣмъ обычно, съ низкой челкой надъ глазами. Улица была темно-голубая, вдали на канальѣ бѣлѣли деревья.

Дуня перекрестилась и пошла, дѣлая мелкіе шаги и стуча каблучками. Она чувствовала себя отдохнувшей и готовой снова на жизнь, посланную ей судьбой.

Дворникъ лѣниво смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Сергѣй Городецкій.

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВЪ.

ВСАДНИКИ.

«Надъ омраченнымъ Петроградомъ»...
Пушкинъ.

Въ 1812 году, когда Петербургу грозила опасность неприятельскаго вторженія, Александръ намѣренъ былъ увезти изъ столицы памятникъ Петру. Передаютъ, что кн. Голицынъ разсказалъ государю сонъ, заставившій Александра отмѣнить свое рѣшеніе. Достоверно это или нѣтъ—не важно, важно то, что такая легенда сложилась. Князю будто бы привидѣлось, что Мѣдный Всадникъ скачетъ по улицамъ Петербурга, подвѣзжаетъ ко дворцу и говоритъ смущенному вѣнценосцу: „Молодой человекъ! Покаместъ я на мѣстѣ, моему городу нечего опасаться“.

Мы всѣ знаемъ по опыту, что бываютъ сны не совсемъ обыкновенные. Едва ли кто не задумывался надъ иными ночными видѣніями, похожими на предубаженія и предупрежденія. Но, быть можетъ, самое необычайное и загадочное—это повторяющіеся сны. Сонъ, разъ приснившійся, вновь и вновь возникаетъ въ душѣ, наполняя тайнымъ ужасомъ сердце и разумъ.

Чтобы избавиться отъ суевѣрнаго страха, надо противопоставить темнымъ предчувствіямъ свѣтлую идею, и только тогда хаосъ, слѣпой и мрачный, покоряется началу гармоніи. Въ борьбѣ со злыми силами, пугающими насъ, у насъ есть союзники. Такъ, художники напримѣръ стремятся раскодывать міръ, побуждая адъ бѣлой магіей своего искусства.

Мѣдный Всадникъ, скачущій въ лунной ночи по мостовой Петербурга, внушаетъ намъ невольный страхъ, несмотря на добрую вѣсть, которую онъ несетъ: „Покаместъ я на мѣстѣ, моему городу нечего опасаться“.

Однако мы преодолеваемъ этотъ страхъ предъ ночнымъ видѣніемъ—обязанные тѣмъ искусству поэта. Пушкинъ, заключивъ вѣщій сонъ въ совершенную форму своей символической поэмы, какъ бы отклонилъ отъ насъ чары видѣнія.

Мы теперь осознали видѣніе и, осознавъ, перестали бояться. Мы были, какъ Евгенийъ, „какъ будто околдованы“, мы были готовы увидѣть въ „мѣдномъ кумирѣ“ лишь символъ угрозы нашему личному благу и нашей частной свободѣ; но, вмѣстѣ съ Евгениемъ воскликнувъ: „Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ“,—мы тотчасъ же находимъ и разрѣшеніе смутившей насъ загадки.

Здѣсь звѣрь, Левиафанъ, подчиненъ какому-то пному началу. Та вѣщная, отчасти звѣриная, отчасти желѣзномеханическая сила государственности, которая пугаетъ личность, въ иные эпохи оказывается направленной къ дѣламъ мировой свободы, то есть къ самоотрицанію въ концѣ концовъ.

«Какая сила въ немъ открыта!
А въ семь конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?»

Этотъ уже разгаданный символъ, эти не новыя мысли приобретаютъ въ наши дни особенный смыслъ и чрезвычайное значеніе. Сны повторяются.

Вѣднѣ Евгений не разгадалъ дѣла Петра, не понялъ,

что желѣзная государственность по волѣ генія стала послушнымъ орудіемъ на путяхъ мировой свободы. Евгенинъ попалъ за это своимъ разумомъ, ему измѣнившимъ.

Будемъ ли мы, какъ онъ, страшиться своей судьбы, прислуживаясь къ „тяжелозвонкому скаканью по потрясенной мостовой“? Поймемъ ли, что сегодня не насъ растопчетъ этотъ „бронзовый конь“? Повѣримъ ли, что въ этотъ разъ ему придется столкнуться съ инымъ конемъ—звѣремъ, направляемымъ рукою германца?

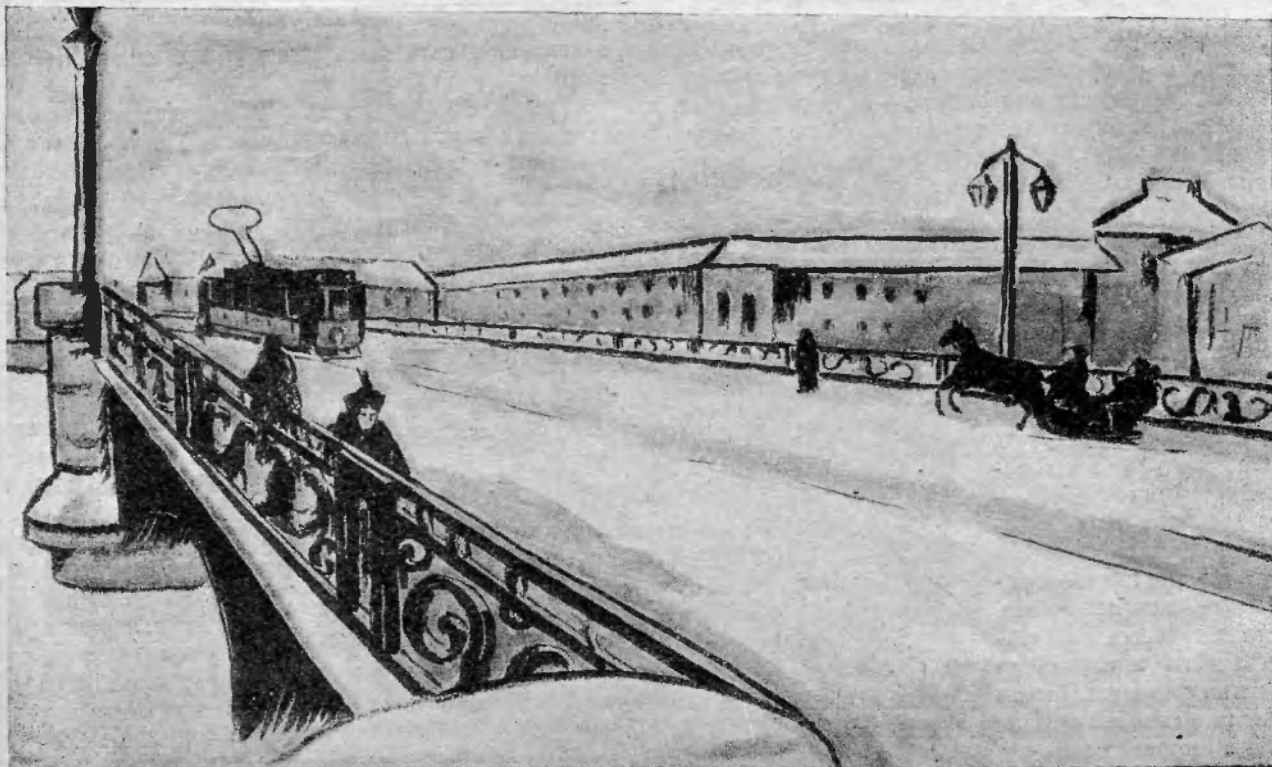
Въ этой схваткѣ двухъ всадниковъ для міра опасна побѣда того, кто утверждаетъ себя, какъ самоцѣль. Изъ всѣхъ видовъ государственности самая опасная для личности и наиболѣе организованная—это государственность нѣмецкая. Вотъ почему Европа должна противопоставить ей все новое свободолобие и всѣ возможные свои силы.

Мы въ третій разъ выдерживаемъ натискъ Запада. 1709, 1812 и 1914 годы—какъ вѣхи на путяхъ нашей борьбы за нашу свободу. Но теперь самъ Западъ возстаетъ противъ себя. И, можетъ быть, впервые онъ въ истинномъ союзѣ съ нами. Мы не должны смущаться тѣмъ, что великія событія какъ будто совершаются независимо отъ воли, а иногда и противъ воли отдѣльныхъ личностей, призванныхъ судьбою на поприще исторіи. Надо помнить, что руководятъ событиями и тѣ, кого мы не видимъ. Незримыя силы рѣшаютъ участь сраженія, какъ и послѣдній исходъ внутренней борьбы.

Два столѣтія прошло со времени, когда Мѣдный Всадникъ впервые „на высотѣ, уздой желѣзной Россію удерживалъ на дыбы“. Сегодня мы видимъ, какъ таинственный конь опустил копыта „на тотъ берегъ“. Этотъ дивный прыжокъ черезъ два вѣка завершаетъ дѣло Петра, освободительное въ своемъ существѣ и вѣщающее нашу исторію новымъ союзомъ съ Западомъ. Наша борьба есть воистинную борьба за „общее дѣло“. Волею судьбы, которая такъ любитъ загадывать загадки, Россія стала во главѣ возстанія противъ германской „абсолютной“ государственности. Великая война, какъ и всякая война, исполнена конечно внутреннихъ противорѣчій, но ея общій смыслъ слишкомъ ясенъ для неослѣпленнаго сознанія. Вотъ почему не должно быть колебаній въ эти дни, когда звѣшивается на вѣсалахъ исторіи сила и правда.

Въ страдные и страшные дни не уклонимся отъ ига, которое возлагаетъ на насъ исторія. Не устрашимся нравственной отвѣтственности, которую мы беремъ на себя, участвуя въ кровавомъ дѣлѣ. Довольно мы болѣли недугомъ „хилой совѣсти“. Но, принявъ войну и радуясь конечному торжеству Россіи, будемъ радоваться „смирненно“, не забывая вѣщихъ словъ Владиміра Соловьева: „Судьба Россіи зависитъ не отъ Царьграда и чегонибудь подобнаго, а отъ исхода внутренней нравственной борьбы свѣтлаго и темнаго начала въ ней самой“.

Георгій Чулковъ.

Л. Квятковскій. Рисунокъ.

В. БРУСЯНИНЪ.

ВЕЧЕРА КОРЩИ.

Я помню русско-турецкую войну... Тогда мнѣ было около пяти лѣтъ...

Помню тревожные дни и ночи въ глухомъ уѣздномъ городѣ. Помню тревожные слухи въ тишинѣ улицъ тихаго города и серьезные, но тревожные разговоры въ помѣщикахъ гостиницъ и столовыхъ. А на улицахъ города, на прогахъ и въ деревянхъ шла новая тревожная жизнь.

Стекались на сборный пунктъ запасные и ополченцы. Плакали жены и матери запасныхъ и ополченцевъ. Сѣрая, бѣлая Русь плакала у насъ на улицахъ города. А по прогамъ шли и ѣхали новыя толпы запасныхъ и ополченцевъ. И въ ровныхъ, тихихъ осеннихъ степяхъ слышался плачъ женщинъ и дѣтей.

Деревни опустѣли. Померкли окна избъ съ соломенными кровлями. Скучно и однообразно мычали коровы, оставленные бабами; какъ-то тревожно по заклѣтамъ и сараямъ мычали лошади, которыхъ еще не успѣли угнать на войну.

А по мелкопомѣстнымъ дворянскимъ усадьбамъ, по вечерамъ, горѣли печальные огоньки. И въ небѣ свѣтились одиночныя звѣзды. И все печально было въ эти тревожные, сумрачные вечера... Такъ казалось намъ, маленькимъ...

Уѣздный городъ и усадьба наша были отрѣзаны отъ внешнего міра сотнями верстъ. Въ тотъ годъ только проходили черезъ нашъ городъ и уѣздъ первую телеграфную проволоку, но она еще „не дѣйствовала“, какъ говорили у

насъ всѣ въ уѣздѣ. Почта приходила къ намъ на пятый или шестой день, и мы съ запозданіемъ узнавали о томъ, что дѣлалось тамъ, на далекихъ Балканахъ.

Пріѣдешь изъ усадьбы въ городъ и видишь суетящихся людей. По улицамъ ведутъ стройными колоннами запасныхъ или ополченцевъ. Теперь всѣ они одѣты уже въ сѣрые шинели, подстрижены, подбриты. На головахъ ихъ кепи съ султанами, какъ на парадѣ. Въ то время носили эти кепи австрійскаго образца, и я помню, какъ хорошо было смотрѣть, когда шли солдаты, а на ихъ кепи развѣвались темные султаны, а на кепи офицеровъ — свѣтло-оранжевые султаны.

По утрамъ весь городъ высыпалъ на улицы. Въ эти сумрачные осенние дни запасныхъ и ополченцевъ отправляли по широкой дорогѣ въ городъ Самару.

Верстахъ въ двухъ отъ города, въ степи, стояла одинокая береза. Старая береза, съ потемнѣвшимъ у корней низомъ, съ искривленными сучьями, съ густой листвою. Около березы, на склонѣ неглубокой балки, струился родникъ, наполняя глубокой бассейнъ изъ стараго потемнѣвшаго дуба, а около родника стояла ветхая деревянная часовенка съ полинялымъ древнимъ образомъ Спасителя... Потемнѣлъ отъ времени ликъ Божій, а видно — смотреть грустные глаза въ даль широкой степной дороги.

Сложился трогательный обычай у горожанъ: гонять ли новобранцевъ на военную службу, ведутъ ли арестантовъ и

каторжанковъ въ далекую Сибирь, — каждый разъ толпа новобранцевъ и провожавшихъ или толпа арестантовъ въ кандалахъ, окруженная конвойными, — и уходящiе люди, и провожающiе осгавляются у часовенки съ родникомъ и здѣсь въ послѣднiй разъ прощаются на долгую разлуку... быть можетъ, навсегда. Мужчины обнажаютъ головы, крестятся, бабы падаютъ на колѣна, о чемъ-то просятъ темный ликъ Спасителя... и начинается послѣднее прощанiе, съ плачемъ, съ причитанiями, съ воемъ, съ выкриками...

— Благополучный путь!..

— Счастливо оставаться!..

Уходить сѣрые люди въ далекий путь, все дальше и дальше... Кажется крошечной большая толпа ушедшихъ; вотъ она становится уже и чуть замѣтной кучкой, и не скажешь — не то двигается, не то оставилась. А около часовенки все еще толпятся горожане, рыдаютъ тише, говорятъ громче. Только матери все еще плачутъ, а дѣти, плакавшiя на нихъ глядя, примолкли. Тяжело вздыхаютъ большiе, суровые мужики и смотреть вдаль, гдѣ теперь чуть замѣтной полоской сѣрѣетъ толпа ушедшихъ... Вотъ и пропали, потонули вдали ушедше: поднимается съ дороги степная бѣлесоватая пыль, закрутитъ столбомъ, завьется и поплыветъ за ушедшими... А зимою пушистая паземка поднимаетъ вверхъ свои бѣлыя пушистыя крылья и закроетъ ровную степную дорогу съ толпой ушедшихъ... быть можетъ, навсегда...

И въ тотъ тяжелый годъ войны съ турками не разъ горожане провожали то новобранцевъ, то запасныхъ, то ополченцевъ и выходили за городъ, и останавливались у придорожной березки съ часовенкой. Молились у часовенки, обнимались и цѣловались въ послѣднiй разъ и расходились: одни пропадали въ степной дали, другiе шли въ маленькiй, скучный и глухой городокъ, занесенный снѣгами.

Всѣ въ городѣ въ ту осень были заняты войной. Молодые и здоровые мужчины собирались на войну, старики молча ходили по улицамъ или сидѣли въ кругу семьи и о чемъ-то думали. А мы, дѣти, днемъ играли въ войну и били турокъ, а по вечерамъ затихали въ обширной столовой нашего городского дома и смотрѣли, что дѣлал старшiе, и слушали, о чемъ они говорили... Смотрѣли зорко, слушали съ затаенными думами. И часто какiе-то странные образы невѣдомой печали томили мнѣ душу: кого-то жаль мнѣ было,

о комъ-то думалъ я съ тревогой, а о комъ?.. Не зналъ тогда...

Слѣпой дѣдъ садился въ громадное вольтеровское кресло, въ халатъ и въ шлафрокъ. Около него присаживался юный и безусый дядя Володя съ газетой въ рукахъ. И мать моя, двѣ теткi, старшая сестра усаживались у большой лампы съ широкимъ абажуромъ изъ зеленого шелка и теребили корню... Кажется, теперь уже не употребляется эта пушистая и мягкая корпя, замѣненная гигроскопической ватой, а въ тотъ памятный мнѣ годъ войны всѣ дамы въ городѣ и въ усадьбахъ цѣлые дни и вечера проводили за щипаньемъ корня. Разрѣзали свои бѣлыя и чистыя сорочки на тонкiя ленты и начинали щипать ниточка по ниточкѣ, и складывали бѣлую пушистую и мягкую корню въ свои камышевыя корзинки для рукодѣля.

И всѣ въ городѣ называли эти вечера вечерами корня.

Приглашали другъ друга въ гости на вечеръ и говорили:

— Приходите, сегодня у насъ вечеръ корня...

И собирались дамы и дѣвушки, и подростки, выходили изъ своихъ комнатъ бабушки въ свѣтлыхъ чепцахъ и тоже присаживались къ лампѣ и старческими сморщенными руками теребили бѣлыя и чистыя сорочки, превращая мягкую ткань въ нѣжныя волокна.

Часто выходило и такъ. Ктонибудь читалъ вслухъ послѣднiй номеръ газеты или листки телеграммъ о войнѣ, а мы всѣ слушали о томъ, что дѣлается тамъ, куда ушли сѣрые толпы людей, куда уѣхали родные наши или знакомые, или просто горожане, которыхъ мы привыкли раньше видѣть въ домахъ родныхъ или знакомыхъ... Всѣ внимательно слушали, а я смотрѣлъ на лица слушающихъ и старался что-то отгадать по ихъ выраженiю.

И всѣ мы — и слушающiе чтенiе газетъ, и щипавшiе корня — сливались въ одно съ тѣми, кто уходилъ на войну — на Кавказъ и Балканы. Я

зналъ, что Кавказъ и Балканы — горы. И эти горы преобразались въ моемъ представленiи въ какiя-то чудовищныя существа, въ бѣлыхъ снѣговыхъ одеждахъ, съ гигантскими руками. Эти чудовища прилетали ко мнѣ въ сновидѣнiяхъ, тревожили меня днемъ, когда я думалъ о снѣжныхъ горахъ.

Братъ мой Володя, старше меня на два года, часто пугалъ меня Кавказомъ и Балканами, рассказывалъ какiя-то имъ самимъ выдуманныя небылицы о туркахъ и ихъ звѣр-

Въ Аргонахъ.

ствахъ... А, можетъ быть, онъ и не выдумывалъ это, а только чутко прислушивался къ тому, что говорили тогда туркахъ и особенно о баши-бузуккахъ...

Взрослые не щадили нашихъ дѣтскихъ вѣжныхъ душъ, и мы ни боялись баши-бузукковъ, или ненавидѣли ихъ, не зналъ вида, не испытывалъ отъ нихъ мукъ, о которыхъ такъ много говорилось.

Очень часто вечера корпіи устраивались у насъ въ домѣ. Слѣпецъ-дѣдъ бывало съ какой-то ревнивостью оспаривалъ очередь и говорилъ нервнымъ голосомъ:

— У насъ, у насъ сегодня вечеръ! У Татьяны Николаовны былъ вчера.

— Папа, но вчера мы сидѣли у насъ. Ты забылъ, — оспаривала дѣда моя мать. — Татьяна Николаовна обидится.

Дѣдъ не слушалъ возраженій и твердилъ:

— Нѣтъ, ужъ ты не говори, Катенька... не говори... у насъ сегодня, а у Татьяны Николаовны завтра.

И собирались у насъ дамы и дѣвѣнцы города. За ними приходили мужья, братья, тещи, а нерѣдко и бабушки приносили, закутанная въ теплыя шубы и платки. Въ столовой и гостиной при свѣтѣ ламп сидѣли за щипанье корпіи, прислуга разносила по комнатамъ чай съ домашними лепешечками и крендельками.

Иногда мужчины говорили о политикѣ, спорили о войнѣ, кого-то бранили, кого-то хвалили. И опять слушали чтеніе газетъ или телеграммъ съ войны.

Обычно у насъ въ домѣ читали газетъ вслухъ былъ дядя Володя, въ ту пору поступившій въ университетъ, но пріѣхавшій отдохнуть домой послѣ какой-то тяжелой болѣзни, которой онъ болѣлъ въ Москвѣ. Дядя Володя читалъ газеты громкимъ голосомъ, и въ глазахъ его часто загорались искры воодушевленія. О побѣдѣ русскихъ говорилъ онъ особенно громко и точно слышалъ куда-то. А

когда съ войны доходили печальныя сообщенія, голосъ его становился медленнымъ, съ разстановкой словъ, и въ этотъ моментъ часто теребилъ или дѣлалъ видъ, что теребитъ крошечные волосики на своей верхней губѣ.

Помню я одинъ такой вечеръ... Не много было у насъ гостей. Несчастнымъ былъ этотъ вечеръ. За стеклами оконъ слышались шумѣли голыя березы, липы. Бѣлесоватой крупной метелью порожь бросалась въ окна темная метельная ночь.

Лампа горѣла какъ-то особенно печально, а, быть можетъ, это мнѣ только казалось. Всѣ сидѣли за столомъ молча и щипали бѣлую пушистую корпію. Дядя Володя кончилъ чтеніе послѣднихъ телеграммъ, молча и долго ходилъ по столовой, потомъ прошелъ въ гостиную, освѣщенную одинокой лампой, и шаги его удалились въ темный залъ. Онъ долго тамъ ходилъ, а мы всѣ сидѣли молча. Только дѣдъ негромко сказалъ, словно въ отвѣтъ на свои какія-то думы...

— Вотъ оно какое дѣло-то... Шипка взята!..

И опять мы всѣ долго молчали. А дядя Володя продолжалъ кружить по залу, и до столовой явственно доносились его громкіе шаги.

— Что онъ тамъ впотемкахъ-то кружить?.. — наконецъ сказалъ дѣдъ. — Володечка!.. — окрикнулъ онъ.

Но дядя какъ будто не слышалъ его окрика и продолжалъ ходить по залу.

— Володечка! — еще разъ крикнулъ дѣдъ.

Заскрипѣли половицы въ гостиной, и на окрикъ дѣда въ столовую вошелъ дядя.

— Ты что тамъ впотемкахъ бродишь? — спросилъ его дѣдъ.

Но дядя молча продолжалъ ходить по столовой. Почему-то подошелъ къ стариннымъ часамъ, съ такимъ важнымъ, громаднымъ маятникомъ, и посмотрѣлъ на часы...

— Хотѣлъ было я къ Игнатовымъ сходить, да поздно.

Сказалъ такъ дядя и опять зашагалъ по столовой.

— Куда къ Игнатовымъ? — отозвалась мама. — скоро одиннадцать, ужинать пора...

Вдругъ дядя Володя подошелъ къ креслу, на которомъ сидѣлъ дѣдъ, оперся рукою въ широкій локотникъ, перегнулъ спину и, заглядывая въ „невишные“ глаза дѣда, сказалъ громко:

— Папа, я поѣду на войну добровольцемъ...

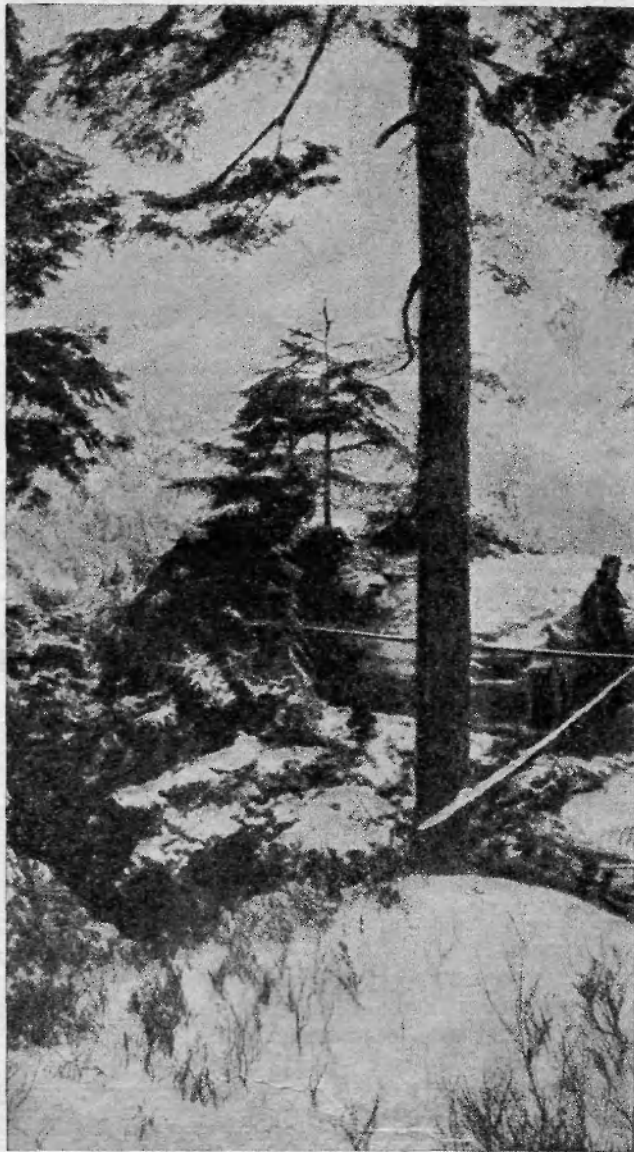
Мы всѣ подняли глаза на дядю Володю. И дѣдъ повернулъ лицо, сдвинулъ со лба зеленый козырекъ, которымъ

завѣшивались его большие глаза отъ свѣта лампы, и съ секунду помолчалъ. И я видѣлъ, какъ двѣ яркія слезы выкатились изъ его „невпшныхъ“ глазъ и покатались по щекамъ.

Не громко, но какимъ-то твердымъ голосомъ онъ сказалъ:

— Что же, поѣзжай, милый Володечка...

И потянулся руками въ его сторону, тараща слѣпыя глаза на сына, словно съ желаніемъ рассмотреть его въ эту минуту.

Въ Аргопахъ.

Л. Квятковский. Рисунок.

Дядь ухватил дядю Володю за обе руки, притянул к себе, потом обнял его и поцеловал в лоб.

И тихо стало в столовой. И пробили часы одиннадцать... Все мы смотрели на дядю Володю и на дядю, а они оба молчали. Ворошил дядя Володя на голове своей волосы и глядел на нас ясными, бодрыми глазами, а на губах его играла какая-то странная, милая улыбка, словно он нас всех еще больше любил в эту минуту.

— Володя, но ты еще молодец!—наконец ршилась мама и сказала.

— Я молодец?—воскликнул он.— О-о!...—и отошел от стола и от дядю и опять прошел в темный зал.

Почему-то он подошел к старому, дремавшему в зале пианино и тихо взял несколько печальных аккордов. Я знала, этими аккордами начиналась какая-то печальная песня, которую еще вчера вечером дядя Володя и Наденька Игнатова играли в четыре руки...

Аккорды смолкли, расплывшись в темном зале, а дядя Володя прошел к себе в комнату и плотно притворил за собою дверь.

За ужином он был молчалив и задумчив.

Недели через две мы все, знакомые и родные, провожали дядю Володю на войну. Накануне у нас в доме был парадный ужин. Было много гостей: говорили, пили, фли, но не танцевали в этот вечер. Какая-то тревога была вместе с нами в этот вечер: говорили тихо, дамы

в гостиной щипали корню, а молодые девушки и кавалеры, во главе с дядей Володи, шумели, смеялись в зале. Была в зале и Наденька Игнатова, которую мы все в шутку называли невестой дяди Володи.

Блондинка с такими милыми, ясными глазами, Наденька была такая хохотуша и, когда смеялась, на ее висках трепыхались пряди золотистых курчавых волос. Стройна она была, высока и гибка, хорошо играла на пианино, хорошо пела. В этот вечер она не пела, не играла и мало смеялась. За ужином и она была грустна, сидела рядом с дядей Володи, и они долго о чем-то говорили.

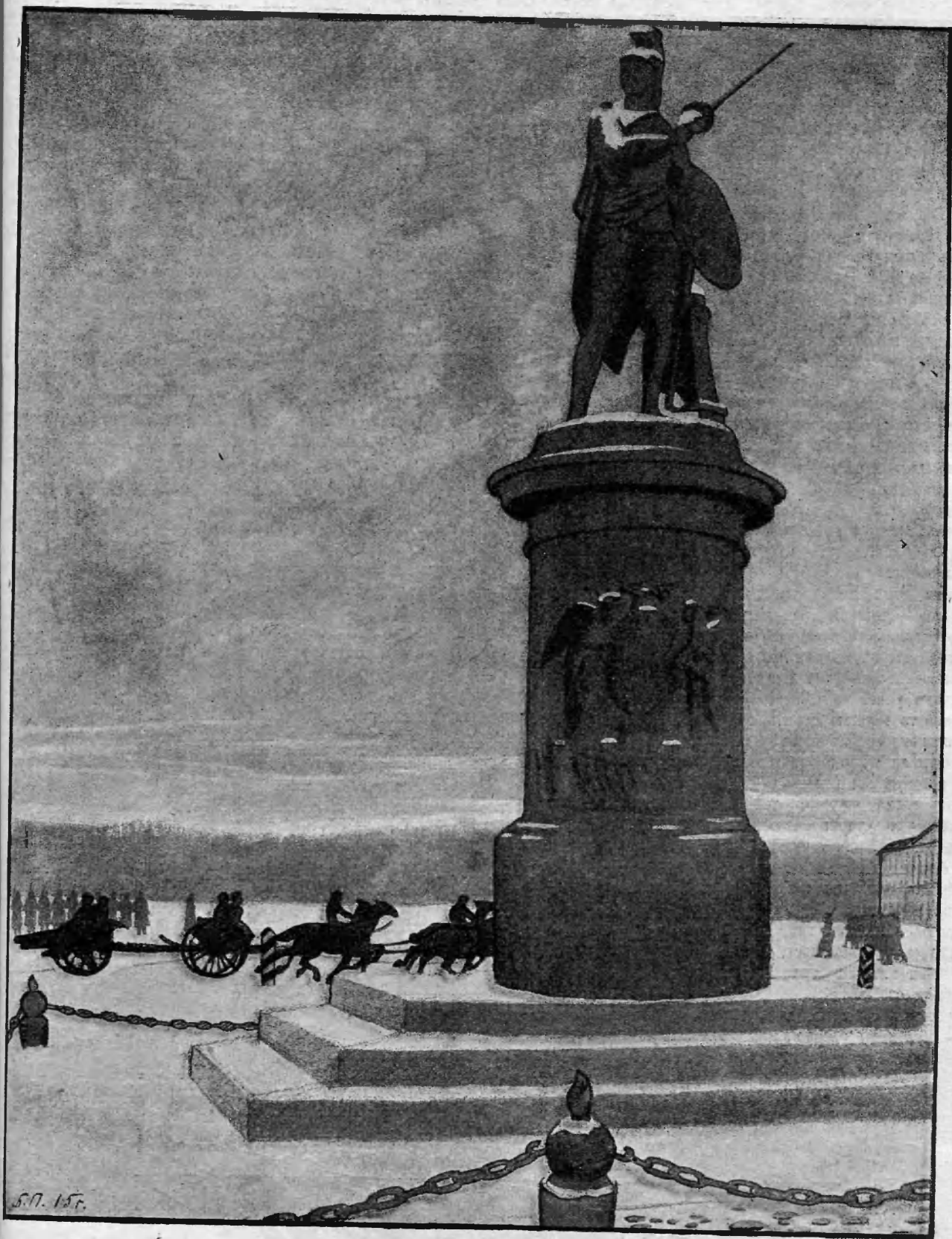
Помню, на другой день мы все встали рано, чуть свет. Наскоро попили чая и стали собираться. Дядя уезжал в Самару вместе с ополченцами. Впрочем его отъезд нельзя было назвать отъездом. Дядя предлагал ему лошадей до Самары, но он не согласился и сказал:

— Иду походным порядком вместе с другими.

И пошел он, мой милый дядя, вместе с ополченцами пешком до Самары.

Помню, была уже лютая зима. Городь, улицы, дороги лежали под голубьющими снегами. Деревья в садах были в инее, словно убрались в белые ризы, отчего сады, занесенные снегом, казались еще печальнее.

Мы все поехали за город, к одинокой березке на большой самарской дороге. И дядь мой, в медвежьей шубе и в большом бархатном картузе, сидел в трючных санях рядом с дядей Володи, и меня усадил с собой. Всю дорогу они о чем-то говорили, и - странно!—дядь не

5.11. 157.

В. Полюсь. Памятник Суворову.

плакалъ. Еще дома, когда онъ благословлялъ дядю иконой, я видѣлъ, какъ беззвучно, безслезно плакали его глаза. При выѣздѣ изъ города оглобля тѣхъ саней, въ которыхъ сидѣли мама и тетя Саша, сломалась. Это происшествіе опечалило насъ всѣхъ. Бабушка сказала:

— Къ худу это!.. — и заплакала.

Мама съ тетей Сашей пересѣли въ сани дѣда, а мы съ дядей Володей уѣхали на широкомъ облучкѣ, рядомъ съ кучеромъ Романомъ. Дядя одѣтъ былъ по-походному: въ короткомъ полушубкѣ, съ башлыкомъ черезъ шею, и шапка на его головѣ была барашковая высокая, и на ногахъ большіе валенки съ загнутыми верхами. Онъ весело поглядывалъ по сторонамъ, всматриваясь въ очертанія городскихъ построекъ и говорилъ, и смѣялся такъ, словно хотѣлъ всѣхъ развеселить. А я не понималъ веселости дяди, и мнѣ было печально.

Оголенная вѣтрами осени и теперь одѣтая пушистымъ инеемъ, стояла одинокая знакомая береза. И на крышѣ часовенки бѣлой шапкой лежалъ пушистый снѣгъ. А вода въ родникѣ не замерзла, сочилась блестящими струйками и шептала тихо-тихо. Я смотрѣлъ на эту воду, не скованную морозомъ, и она казалась мнѣ слезами тѣхъ матерей, женъ и дѣтей, которыя вотъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ плачутъ у придорожной березы, провожая въ дальній путь своихъ близкихъ.

Наши сани подъѣхали къ березѣ, а тамъ уже были прѣхавшіе — Моттерны, Никулины, Шпажинскіе, Игнатовы, — все друзья нашего дома. И Наденька тутъ была. Въ темной бархатной шубкѣ съ бѣлыми воротникомъ, въ бѣлой снѣговой шапочкѣ, она казалась мнѣ какимъ-то цвѣткомъ зимы. Но личико у нея было печальное, и она даже не улыбалась. Съ какой-то грустью подала руку дядѣ Володѣ, потомъ они отошли немного въ сторону и говорили о чемъ-то. А мы всѣ смотрѣли въ сторону города, навстрѣчу толпѣ ополченцевъ, которую мы перегнали въ верстѣ отъ города.

Вотъ толпа ополченцевъ и провожавшихъ, — мужиковъ, бабъ, старухъ, стариковъ и дѣтей, — поравнялась съ березой и часовенкой. Люди сгрудились, а обозъ, — сани, перегруженные сундучками, котомками ополченцевъ, — продвинулся дальше. На однѣ изъ саней кучеръ Романъ положилъ небольшой чемоданчикъ дяди Володи.

Постояли немного всѣ, помолились на темный ликъ Спасителя и стали прощаться. Заплакали, запричитали бабы, а дамы наши плакали тихо. Должно быть, и на моихъ глазахъ были слезы.

Прощаясь со мною, дядя Володя сказалъ мнѣ:

— Ну, и ты разрюмися!.. А еще мужчина!..

Я видѣлъ, какъ дѣдушка прощался съ дядей Володей. Обнявъ его крѣпко, прижалъ къ себѣ, потомъ оттолкнулъ себя и держалъ на рукахъ, всматриваясь своими „невишними“ глазами въ лицо сына. Но онъ не видѣлъ его лица „невишними“ глазами. И странно были раскрыты глаза дѣда, словно они хотѣли преодолѣть вѣчную тьму и еще разъ запечатлѣть въ себѣ всего дядю Володю въ его новомъ костюмѣ добровольца.

Прощаясь дядя Володя и Наденька поцѣловались. А потомъ Наденька ушла въ свои сани и тамъ плакала.

Двинулась толпа ополченцевъ по дорогѣ, и пропала среди ихъ сѣрыхъ фигуръ дядя Володя. Слѣлся онъ съ ними и утонулъ въ морѣ головъ. Запѣли было пѣсню уходяще, но прервалась пѣсня; заглушилъ ее плачъ женщинъ и старухъ. И все дальше и дальше уходили люди, пестрѣли разнообразными нарядами, а потомъ слились въ однообразную стѣну, сѣрую и не то остановившуюся, не то движущуюся.

Крутилась бѣлая паземка, перебѣгала черезъ дорогу, заметала путь бѣлыми крыльями. Заметала паземка снѣжную дорогу, по которой ушелъ дядя Володя, и кроткіе глаза Спасителя глядѣли ему вслѣдъ.

Прошло мѣсяца три. Помню, была весна. Цвѣла сирень, и въ нашемъ городскомъ саду пѣли въ ночномъ сумракѣ соловьи. Мы всѣ сидѣли на террасѣ, выходившей въ садъ, и слушали соловьевъ. Была у насъ и Наденька. Теперь мы всѣ знали, что она — невѣста дяди Володи, скучаетъ безъ него и каждый день ходитъ къ намъ. Иногда играетъ въ залѣ на пианино тѣ самыя пѣсы, которыя игралъ и дядя Володя. Иногда она сидитъ на террасѣ и смотритъ въ тьму ночи, а то на небо, на горящія звѣзды. И я сижу около нея, смотрю на небо и слѣжу, какъ изрѣдка падаютъ съ неба звѣзды, падаютъ, чертя мгновенныя яркія полосы, и потухаютъ во тьмѣ, скатываются куда-то за грань видимаго міра. Я вѣрилъ тогда, что если съ неба скатится звѣзда, значитъ, кто-то умеръ. И Наденька вѣрила въ это, почему она такъ пристально и смотрѣла на небо и слѣдила за падающими звѣздами за грань видимаго міра. О чемъ думала она — не зналъ я, но ея лицо было грустное, и она молчала. И мнѣ было грустно.

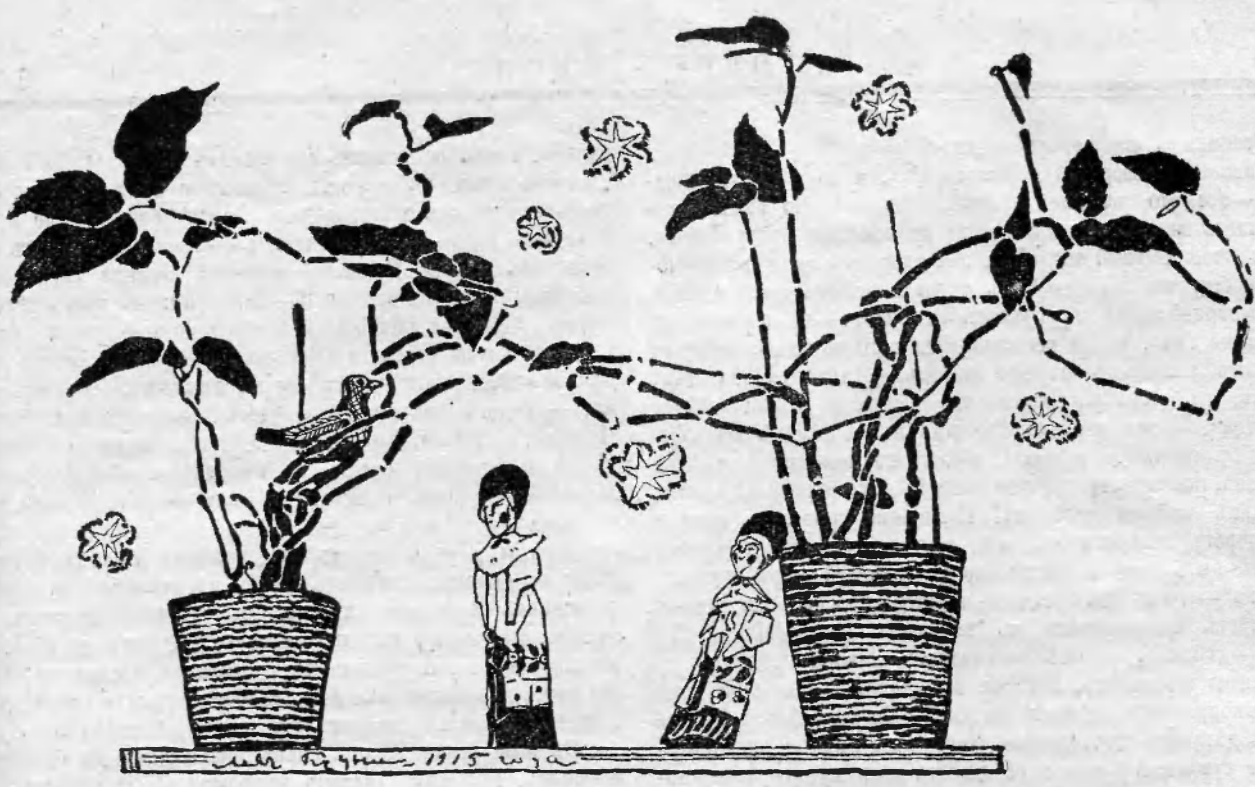
Въ этотъ вечеръ мы узнали, что дядя Володя былъ убитъ въ бою подъ Карсомъ. Это была первая трагическая телеграмма, полученная дѣдомъ по телеграфнымъ проводамъ, только что протянувшимся черезъ нашъ глухой городокъ.

А дня черезъ два умерла и Наденька. Она отравилась. Вотъ и все.

В. Бруснянинъ.

оден.
нуль
не-
его
лаза
еще
вомъ
А по-
паль
нимп
е, но
оухъ.
раз-
бну,
за-
кную
лаза
ень,
акъ
идъ,
мы
него
алъ
одя.
а
три
зды,
во
вѣ-
кто-
какъ
пми
—не
миѣ
ыль
кая
до-
оро-
ась.

И. ДОЛГОВЪ. ЩАЮСЬ ЧЕХОВА.

Новыя письма Чехова,—и снова разговоры о его политическомъ міросозерцаніи.
Есть что-то досадное въ этой кропотливой работѣ подбора отдѣльныхъ фразъ. Она была понятна вначалѣ, когда удалось оградить писателя отъ солидарности съ кой кѣмъ въ лично близкихъ ему людей. Но потомъ, когда нити произвольно вынутыхъ фразъ стали сплетаться въ шаблонный узоръ шаблоннаго радикализма, невольно почувствовалось, что съ Чехова совлекаютъ что-то самое дорогое и ценное.
„Была ложь не въ ея рассказѣ, а въ самомъ ея тонѣ,“— упоминается брошенная писателемъ фраза объ одной изъ героинь. И тутъ есть именно та неизгладимая ложь, которая будетъ чувствоваться, несмотря на десятки вполне правыхъ цитатъ. Неправда по духу, а не по мертвой буквѣ, горькія Чехова никогда не переходили въ политическія обобщенія. И если его письма цѣнны, какъ личный документъ, то цѣнны именно тѣмъ, что вновь и вновь подтверждаютъ ту же мысль.
Новыя переоцѣнки тѣмъ болѣе досадны, что послѣднее слово Чехова, его грустная прощальная пьеса „Вишневый садъ“, пробудила настоящія догадки о міросозерцаніи писателя.
Около этого произведенія старой „соціальной“ критикѣ, привыкшей подходить къ каждому явленію съ точки зрѣнія общественной ответственности, было совсѣмъ мало поживы. И, если профессоръ Батюшковъ пытался пойти по старой дорогѣ, это получило только скучно. Фразы о Лопухинѣ, чья недодѣланность „исключительно зависитъ отъ общаго состоянія куль-

турныхъ условій въ Россіи“, тѣ же фразы о Трофимовѣ, тѣ же объ Анѣ и даже о Гаевѣ, который „при другихъ условіяхъ не сталъ бы обращаться къ шкафамъ, а выработалъ бы изъ себя настоящаго оратора“—во всемъ этомъ не было и тѣни того подъема, съ которымъ высказывали свои обобщенія публицисты добролюбовской школы. Сознывая это, болѣе чуткіе критики не рѣшались цѣликомъ ступить на тотъ же путь, и у нихъ рядомъ съ бытовыми обобщеніями идутъ прорывы къ чисто-психологическому анализу, идутъ не сливаясь съ ними, а прерывая ихъ скучно-размѣренный темпъ какимъ-то новымъ, совсѣмъ иначе звучащимъ аккордомъ. Среда, „недѣланіе которой объясняется исторически“, „позднее дѣтство“, „незрѣлая безпечность“, „натискъ“ людей вполне демократическаго склада—все это стоитъ у Айхенвальда рядомъ съ такими странными, влекущими совсѣмъ къ иному словами, какъ „душа, полная невысказанныхъ словъ“, „музыка тонкихъ ощущеній“, „пьеса—элегія, нѣжная и хрупкая“.
Сочетаніе словъ „пьеса“ и „элегія“ уноситъ слишкомъ далеко отъ нашихъ обычныхъ представленій. Такъ недавно появившееся понятіе мягкости письма возвышается здѣсь почти до протеста противъ стараго ученія о драмѣ, какъ картины борьбы воли. Нѣжная и хрупкая элегія предполагаетъ не борьбу, а гармоническое сліяніе. Но это и есть самое характерное для Чехова, то начало, которое таится и въ глубинѣ его драмъ, и въ самыхъ интимныхъ страницахъ личной переписки. Тамъ и тутъ, на нашъ взглядъ, не только та же цѣль показать внутреннюю жизнь, но и неудержимое желаніе возстать на старую манеру дѣлить людей по номенклатурѣ политическихъ партій и направленій.

Вспомним его первую пьесу.

Зависть, безсердечная дѣловитость, а то и прямая подлость—все это основной фонъ „Иванова“. Но тѣмъ болѣе поражаетъ верасположеніе автора къ земскому врачу Львову. Несомнѣнно честный человѣкъ, онъ виновенъ лишь въ прямолинейности, въ которую такъ часто впадаютъ люди единой, строго-опредѣленной программы. Эта черта—не новость въ обрисовкѣ типа, но до неожиданнаго ново то ожесточеніе, съ которымъ нападаетъ на нее авторъ. „Такъ честенъ, такъ честенъ, что всего распираетъ отъ честности. Мѣста себѣ не находить“, — это основной мотивъ въ обрисовкѣ всей фигуры. Ту же мысль графа Шабельскаго повторяетъ и Анна Петровна, на защиту которой встаетъ докторъ: „Послушайте, господинъ честный человѣкъ! Недюбезно провожать даму и всю дорогу говорить съ ней только о своей честности! Можетъ быть, это и честно, но по меньшей мѣрѣ скучно“. „Скучно“—очень значительное понятіе. Но пока еще Чеховъ не умѣетъ апеллировать къ смутнымъ настроеніямъ. Его орудіе—дѣйствіе, и онъ заставляетъ Львова продѣлать ту послѣднюю жестокость, которая вызываетъ негодование даже въ низкопробномъ дѣльцѣ Боркинѣ. Но отвѣдъ даетъ не онъ, а дѣвушка, проходящая сквозь пьесу, какъ милое трогательное существо. Саша перечисляетъ весь путь грубо-прямолинейныхъ вторженій доктора въ чужую жизнь и заканчиваетъ неумолимымъ приговоромъ: „Какое бы насиліе, какую жестокую подлость вы ни сдѣлали, вамъ все бы казалось, что вы—необыкновенно честный и передовой человѣкъ!“.

Такъ отнеситесь къ человѣку, въ основѣ все же самоотверженному, значить, горѣте желаніемъ указать на то, что жизнь не терпитъ мертвыхъ схемъ.

Тѣ же выпадъ и въ „Дядѣ Ванѣ“. Обрисовка профессора, да еще профессора литературы, многихъ кольнула въ свое время. Но онъ такъ хорошъ, этотъ сѣятель разумнаго и вѣчнаго, всю жизнь шамкавшій бездѣльными, истертыя фразы и неспособный проявить малѣйшей чуткости къ чужому горю. Да и въ нихъ ли вообще, въ программахъ ли дѣло? Когда дядя Ваня слышитъ о томъ, что другой мужъ науки „опровергаетъ то, что семь лѣтъ назадъ самъ же защищалъ“, ему только скучно. „Но мы уже пятьдесятъ лѣтъ говоримъ и говоримъ, и читаемъ брошюры. Пора бы ужъ и кончить“, — обрываетъ онъ мать. И съ хламомъ старыхъ программно-схематичныхъ фигуръ дѣйствительно надо кончить.

При осужденіи театра въ „Чайкѣ“ дѣло не обходится конечно безъ упоминанія объ узкой морали. „Когда поднимается занавѣсъ и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатахъ съ тремя стѣнами, эти великіе таланты, жрецы святого искусства изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки; когда изъ пошлыхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль, мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ; когда въ тысячѣ вариаций мѣтъ подносятъ все одно и то же, одно и то же, одно и то же, я бѣгу и бѣгу, какъ Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своей пошлостью“.

„Нужны новыя формы. Новыя формы нужны!“ — слышится затѣмъ призывъ. И когда эти новыя формы были найдены новымъ театромъ, авторъ сталъ давать картины, въ которыхъ слышался не только протестъ противъ старой, но и призывъ къ новой жизни.

„Три сестры“ полны имъ. Но какъ далеко идетъ писатель! Его планы ни на волосъ не зависятъ отъ рѣшенія тѣхъ очередныхъ задачъ, которыя принято называть стремленіями передового общества. Даже больше того! Его какъ будто пугаетъ окружающая передовыхъ людей атмосфера

борьбы, и онъ останавливаетъ взглядъ на офицерской средѣ. „Можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ и не такъ, но въ нашемъ городѣ самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это военные“, — оговариваетъ онъ свой произволъ устами Маши. И конечно военная среда съ ея покойнымъ ритмомъ отношеній—лишь символъ, чрезъ который можно подойти къ мечтѣ о „невообразимо-прекрасной“, разумной жизни далекаго будущаго. „То, что кажется намъ серьезнымъ, значительнымъ, очень важнымъ,—придетъ время, — будетъ забыто или будетъ казаться неважнымъ...“ И можетъ статься, что наша теперешняя жизнь, съ которой мы такъ миримся, будетъ современемъ казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой,—быть можетъ, даже грѣшной“.

Фигуры „Трехъ сестеръ“ въ излишней рѣзкомъ противорѣчій съ бытомъ. Слишкомъ много идеализаціи въ образѣ полковника Вершинина и слишкомъ упрощенъ педагогъ Кудыгинъ, нѣкоторыя выходы котораго говорятъ не объ ограниченности ума, а о полномъ кретинизмѣ. Новая манера—смутное, дрожащее въ еще слабыхъ рукахъ оружіе. Но „Вишневы садъ“ говорить уже о полной побѣдѣ.

Въ этой пьесѣ Чеховъ снова принимается за борьбу со скучнымъ, томящимъ гнетомъ узко-моральныхъ предпосылокъ драмы. Но предъ нами уже не робкія попытки, а рѣшительные, дерзостные удары. Основной вопросъ драмы—дворянское оскуднѣніе, тотъ переходъ помѣщичьихъ земель къ мелкимъ собственникамъ, который въ однихъ вызывалъ радость, а другимъ казался чуть не крупнѣйшимъ крахомъ старыхъ идиллически-добрыхъ основъ жизни. Подобная тема уже толковалась драматургами и у нихъ скупщикъ являлся тѣмъ воистину отвратительнымъ злодѣемъ, образъ котораго вызываетъ негодование каждымъ своимъ шагомъ. Чеховская пьеса не такова. Но вотъ любопытная черта: если незнакомому съ ней рассказать фабулу и привести рядъ репликъ того новаго дѣльца, который побѣдоносно вступаетъ во владѣніе вишневымъ садомъ, всякій навѣрно нарисуетъ картину очень близкую къ уже знакомой ему обработкѣ. Лопахинъ входитъ въ домъ и еще при старыхъ владѣльцахъ начинаетъ куражиться съ аллоббомъ истаго хама. „Эй, музыканты, играйте, я желаю васъ слушать! Приходите всѣ смотреть, какъ Ермолай Лопахинъ хватить топоромъ по вишневому саду, какъ упадутъ на землю деревья“, — кричитъ онъ. И онъ дѣйствительно хватить, не постѣсившись дать приказъ о рубкѣ еще тогда, когда старые хозяева не выбрались изъ имѣнья. А затѣмъ—и въ этомъ великое чудо „Вишневаго сада“—нѣтъ ничего, что говорило бы въ защиту прежнихъ владѣльцевъ, такъ что, если бы выискалась пьеса, гдѣ, говоря публицистическимъ языкомъ, была бы осуждена безвольная дряблость поколѣнія, выросшаго на крѣпостномъ трудѣ, мы навѣрно нашли бы у Чехова рядъ совпаденій съ нею. Безвольная Раневская, взрослый ребенокъ Гаевъ—все это люди, способные лишь проживать, ничего не внося въ экономическую жизнь, и чеховскихъ контуровъ типа не мновалъ бы ни одинъ сатирикъ. Въ конечномъ счетѣ, пьеса—не средняя линия. Нѣтъ, она соприкасается съ самыми полярными точками, чтобы тѣмъ болѣе властно показать, что подлинное въ нашемъ существованіи внѣ тѣхъ не къ дѣлу нагроможденныхъ перегоронокъ, подъ угломъ которыхъ многіе только и способны воспринимать жизнь. „У тебя тонкая, нѣжная душа“, — говоритъ Лопахину Трофимовъ, и это—не единственная странность въ той пьесѣ, гдѣ такъ трогателенъ негодующій на отмѣну крѣпостного права лакей, такъ противенъ его вылощенный замѣститель, такъ странно нескрѣп-

Снимки офицера. 1.

2. Въ „воронки“.

денныя связью ни съ какой политической программой мечты о новой жизни и самая развязка пьесы, когда и ловкий дельец, и обездоленный имъ жертвы ѣдутъ въ Харьковъ.

Такъ поставить вопросы, такъ спутать всё установленныя понятія могъ лишь тотъ писатель, который уже давно вступилъ на путь борьбы съ основной сущностью старыхъ взглядовъ. И мы можемъ подтвердить всю схему нашихъ выводовъ личными признаниями автора, тутъ и тамъ разбросанными въ его перепискѣ.

Получивъ въ 1887 году письмо отъ Суворина, въ которомъ тотъ рассказываетъ, какъ онъ мучился надъ комедіей, а такъ и бросилъ ее, когда взглянулъ этимъ лѣтомъ на действительную русскую жизнь“, Чеховъ писалъ потомъ брату: „Современные драматурги начинаютъ свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами,—пойди-ка, найди эти экземпляры во всей Россіи!“ И далѣе говорилъ о себѣ: „Я хотѣлъ съоригинальничать: не вывелъ ни одного злодѣя, ни одного ангела (хотя не сумѣлъ воздержаться отъ шутовъ), никого не обвинилъ, никого не оправдалъ“...

Писатель не хотѣлъ ни обвинять ни оправдывать и въ этомъ стремленіи онъ скорѣе готовъ былъ не имѣть никакого проссозерцанія, лишь бы оторваться отъ скучнаго берега старыхъ предпосылокъ. „Пишущимъ людямъ, особливо художникамъ,—роняетъ онъ признание,—пора уже сознаться, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь, какъ когда-то сознался Сократъ и какъ сознавался Вольтеръ. Толпа думаетъ, что она все знаетъ и все понимаетъ; и, чѣмъ она глупѣе, тѣмъ, кажется, шире ея кругозоръ. Если же художникъ, которому толпа вѣритъ, рѣшится заявить, что онъ ничего не понимаетъ въ того, что видитъ, то ужъ это одно составитъ большое значение въ области мысли и большой шагъ впередъ“. Но есть въ ряду съ этимъ полнѣйшимъ игнорансомъ все же одно положение, которое Чеховъ готовъ былъ отстаивать со всей силой глубокой убѣжденности. „Я доказывалъ,—говорилъ

онъ по поводу одного своего спора,—что нѣтъ тамъ грѣха и преступления, гдѣ нѣтъ злой воли, гдѣ дѣятельность (добрая или злая—это все равно) является результатомъ глубокаго убѣжденія и вѣры“.

„Я въ своей пьесѣ никого не обвинилъ, никого не оправдалъ“. Развѣ не сливается эта мысль черезъ формулу „мы ничего не знаемъ“ съ другой освобождающей мыслью: „гдѣ нѣтъ злой воли, нѣтъ и грѣха“. Черезъ до конца правдивое отрицаніе Чеховъ пошелъ къ новой, лишь смутно угадываемой правдѣ, къ той „пьесѣ-элегіи“, гдѣ пылкое сочувствіе одному въ его походѣ противъ остальныхъ—былое восхищеніе Чацкимъ или маркизомъ Позой—смѣняется тѣмъ общимъ сочувствіемъ, которое—не удѣлъ мірскихъ исканій правды, а признакъ со всѣмъ примиренной, ничего не осуждающей святости. Писатель взывалъ къ далекому отъ повседневной жизни, но таящемуся въ глубинѣ каждого сердца чувству, и кѣмъ-то брошенная фраза объ ангелахъ, незримо парившихъ надъ каждымъ зрителемъ при исполнении „Вишневаго сада“, показалась отраженіемъ общей мысли.

Въ этомъ самый основной и самый глубокий пафосъ въ основѣ прогрессивнаго—о, конечно, прогрессивнаго—писателя. И если есть еще упорствующіе, имъ можно привести послѣдній отрывокъ, который ярко показываетъ, что душа Чехова не была доступна даже путамъ профессиональнаго чувства. „Фарисейство, тупоуміе и произволь царятъ не въ однихъ купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я видѣлъ ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи. Потому я одинаково и не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ“.

Эти слова, жгучія какъ ударъ бича, должны отучить отъ послѣднихъ попытокъ зачислять писателя въ опредѣленный станъ.

Н. Долговъ.

ВАЛ. МОРАВСКИЙ.

НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

„Въ исторіи человѣчества начинается тихоокеанская эра“, — сказалъ вѣскольکو лѣтъ тому назадъ бывшій президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Рузвельтъ. И предсказаніе это начинаетъ сбываться. Тихоокеанская проблема выдвигается на первый планъ, она привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только профессиональных политиковъ, но и широкихъ общественныхъ круговъ Старого и Нового свѣта. И тамъ, и здѣсь со все возрастающимъ интересомъ слѣдятъ за тревожными извѣстіями съ далекихъ береговъ Тихаго океана. И даже грандіознѣйшая борьба народовъ не можетъ совершенно заслонить собой тихоокеанскихъ событий. Тихій океанъ становится ареной такого же ожесточеннаго соперничества, какъ и океанъ Атлантическій, событія развертываются тамъ столь же головокружительнымъ темпомъ и острота положенія изо дня въ день углубляется. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть неизбежность серьезныхъ осложненій на Тихомъ океанѣ, осложненій, которыя рано или поздно могутъ привести къ новой, быть можетъ, еще болѣе тяжелой борьбѣ народовъ.

На Тихомъ океанѣ соприкасаются и сталкиваются интересы Англии, Россіи, Франціи, Германіи, Японіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Китая. Но на авансцену здѣсь выступаютъ Японія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Они стоятъ въ центрѣ событий, между ними разгорается борьба за гегемонію на Тихомъ океанѣ.

Борьба эта началась не со вчерашняго дня. Въ тотъ моментъ, когда молодой, но дѣятельный американскій империализмъ отказался отъ традиціонной „политики невмѣшательства“, когда Соединенные Штаты разорвали тѣсный кругъ, отказались отъ своей изолированности и взяли новый курсъ, вопросъ былъ рѣшенъ безвозвратно. „Тихій океанъ долженъ стать американскимъ озеромъ“ — вотъ формула, въ которой нашли совершенно опредѣленное выраженіе стремленія американскихъ империалистовъ. Она не оставляетъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ задачахъ и дѣялахъ американскаго империализма и вполне отвѣчаетъ реальнымъ интересамъ индустриальной республики. Американская промышленность переросла американскій рынокъ, и еще въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія заатлантической республикѣ пришлось рѣшать дилемму, предъ которой давно стояла и Европа: куда направить свои фабрикаты? И если для индустриальной Европы вопросъ о новыхъ рынкахъ представлялся крайне серьезнымъ и острымъ, то тѣмъ болѣе труднымъ онъ оказался для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, выступившихъ на мировую арену въ тотъ моментъ, когда почти весь земной шаръ былъ подѣленъ между старыми индустриальными странами. Все европейскіе, азіатскіе и африканскіе рынки оказались въ рукахъ европейцевъ, и молодой индустриальной странѣ предстояла нелегкая задача, борьба съ прочно укрѣпившимися на своихъ позиціяхъ конкурентами. Практичныя янки не остановились предъ ней. Они пошли по линіи наименьшаго сопротивленія, въ сторону, гдѣ въ силу своего географическаго положенія они легко могли

оказаться въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ конкуренты, въ сторону Тихаго океана. На тихоокеанскомъ побережьи лежатъ страны, въ которыхъ легко нашли бы себѣ сбытъ американскіе фабрикаты: малонаселенное, но быстро развивающееся западное побережье американскаго материка, и, главнымъ образомъ, Азія, представляющая собой рынокъ огромной емкости. Но, чтобы овладѣть тихоокеанскими рынками, Соединеннымъ Штатамъ необходимо было выполнить двѣ задачи: повернуться лицомъ къ Тихому океану, дать выходъ сюда своимъ фабрикатамъ и устранить конкурента, географическое положеніе котораго ставило его въ еще болѣе благоприятное положеніе, чѣмъ Штаты. Медленно, но систематически шла великая заатлантическая республика къ своей цѣли. Она овладѣла Кубой, Гавайскими и Антильскими островами, создала панамское государство и осуществила грандіозный проектъ гениальнаго француза Лесенса, — прорѣзала Панамскій перешеекъ. Первая задача была блестяще выполнена. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты стали твердой ногой на тихоокеанскомъ побережьи. Предъ нимъ открывался широкій выходъ въ Тихій океанъ, но на пути ихъ стоитъ Японія, для которой вопросъ о гегемоніи на Тихомъ океанѣ является не менѣе, если не болѣе жизненнымъ, чѣмъ для Штатовъ. Японія задыхается въ тѣсныхъ рамкахъ своего архипелага. Ея населенію, какъ и ея быстро развивающейся промышленности, необходимъ выходъ, и она не можетъ уступить Тихій океанъ заатлантической республикѣ.

Неизбѣжность упорной и ожесточенной борьбы за гегемонію на Тихомъ океанѣ сознавалась и въ Японіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ. И тамъ, и здѣсь къ ней дѣятельно готовились. Отношенія между этими странами обострялись. Нарывъ созрѣвалъ медленно, но ни Японія, ни Штаты не рѣшались пока прибѣгнуть къ оперативному способу рѣшенія вопроса. Европейская война опрокинула однако всѣ расчеты, ускорила процессъ. Она поставила на очередь и тихоокеанскую проблему. Японія оказалась въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ на Дальнемъ Востоку. Отвлеченная войной, заинтересованная здѣсь державы вынуждены были предоставить имперіи микадо извѣстную свободу дѣйствій, и она пытается теперь использовать свое положеніе. Предъявленныя ею Китаю требованія свидѣтельствуютъ о твердомъ рѣшеніи Японіи укрѣпиться въ Китаѣ, монополизировать китайскій рынокъ и закрыть доступъ сюда иностранному капиталу. Осуществленіе этихъ требованій для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ равносильно потерѣ самаго привлекательнаго для американской промышленности рынка, оно сводитъ почти на-нѣтъ все усилія американцевъ къ овладѣнію тихоокеанскими рынками и естественно ставитъ предъ ними вопросъ ребромъ. Заатлантической республикѣ необходимо или остановить движеніе Японіи въ Китай, или разъ навсегда отказаться отъ поставленной себѣ цѣли.

Съ самаго начала европейской войны вавингтонское

Л. Квятковский. Рисунок.

Правительство зорко следило за действиями Японии. Как известно, оно поставило непременным условием выступления Японии против Германии сохранение территориальной неприкосновенности Китая и ограничение военных операций Японо-китайскими водами. Токийское правительство вынуждено было тогда согласиться на эти условия. Но, по мере того как развивались события, настроение в Японии резко менялось. Вскоре Япония оккупировала принадлежащая Германии острова в Тихом океане, а вслед за тем выступила и с известными требованиями в Китае. Японское общество и японская печать настойчиво требуют разрешения теперь же вопроса о гегемонии на Тихом океане, и правительство графа Окумы идет навстречу этим требованиям. Оккупация германских островов не вызвала решительного выступления Северо-Американских Соединенных Штатов, повидному согласившихся отложить решение вопроса о них до мирной конференции, но выступление Японии в Китае было встречено в Вашингтоне резким протестом. Американский посланник в Пекине открыто заявил, что Штаты заинтересованы в японо-китайском конфликте, будут охранять суверенные права Китая и что обострение японо-китайского конфликта приведет к обострению японо-американских отношений. Таким образом Заатлантическая республика связала свои интересы с интересами Китая, и дальнейший ход событий на Тихом океане повидному окажется в полной зависимости от исхода переговоров между Пекином и Токио.

Японские требования существенным образом нарушают интересы Китая. Они затрагивают и суверенные права Республики. Но предоставленный самому себе

Китай конечно не в силах был бы оказать действительное противодействие планам Японии. Иное дело теперь, когда президент Юаньшикай может опереться на Северо-Американские Соединенные Штаты. При поддержке Штатов Китай может и готов решительно отстаивать свои интересы, и та лихорадочная работа, что ведется теперь Юаньшикаем по объединению китайского общественного мнения, лучше всего говорит о том, что Средняя республика готовится к энергичной борьбе с островной империей. Пока японо-китайские переговоры не дали положительных результатов. Пекинское правительство готово идти на частичные уступки Японии, оно готово продлить срок аренды на японские концессии в Китае, предоставить Японии преимущественные права на юге Китая, в сфере влияния Англии, уступить ей германские концессии, но решительно отказывается удовлетворить японские требования, затрагивающие суверенные права Китая, и требования, касающиеся расширения сферы влияния Японии в северном Китае. Япония уступки Китая не удовлетворяют, но токийское правительство не робеет прибегнуть к решительному воздействию на Республику. Оно ждет результатов выборов в парламент, от исхода которых будет зависеть и дальнейший ход событий на Тихом океане. Повышенная атмосфера, в которой протекут выборы в японский парламент, несомненно увеличивает шансы партии, настаивающей на решительном выступлении Японии. И ее победа на выборах может вызвать пожар на Дальнем Востоке, который осложнит положение и в Европе.

Вал. Мораскин.

ВЪСТИ И МНѢНІЯ.

Послѣдніе концерты Кусевицкаго.

Едва ли не чрезмѣрной „германофобіи“ мы обязаны знакомствомъ съ двумя новыми симфоническими сочиненіями современныхъ отечественныхъ композиторовъ, исполненными г. С. Кусевицкимъ, его прекраснымъ оркестромъ и хоромъ А. А. Архангельскаго въ двухъ послѣднихъ концертахъ С. Кусевицкаго, состоявшихся 18-го февраля и 11-го марта с. г.

Я разумѣю кантату для хора, оркестра и органа А. Т. Гречанинова — „Хвалите Бога“ — и кантату для хора, оркестра и солистовъ — „По прочтеніи псалма“ (на слова А. С. Хомякова) — проф. С. И. Танѣва.

Оба эти сочиненія исполнялись публично впервые; первое — по рукописи.

И заслуживаютъ они вниманія не только потому, что являются „новинками“ и принадлежатъ къ числу инструментально-хоровыхъ произведеній, вообще немногочисленныхъ въ русской „симфонической музыкѣ“.

И если новое сочиненіе ученаго автора „Подвижного контрапункта строгаго письма“ является вѣистину выдающимся и замѣчательнымъ произведеніемъ русскаго искусства, то и кантата А. Т. Гречанинова имѣетъ несомнѣнный интересъ какъ едва ли не первый въ послѣднее время опытъ примѣненія симфоническаго оркестра вмѣстѣ съ хоромъ для церковнаго богослуженія.

Такіе опыты, хотя и рѣдко, бывали въ прежнее время, напримѣръ въ XVIII в. Такъ, заѣзжій италіанецъ Сартти, бывшій на русской службѣ въ придворной пѣвческой капеллѣ въ царствованіе Екатерины II, написалъ двуххорное „Тебе Бога хвалимъ“, исполненное въ ставкѣ Потемкина во время благодарственнаго молебна по поводу заключенія мира въ Уссалъ въ 1789 году большимъ хоромъ, 12-ю оркестрами и даже „съ аккомпанементомъ пушекъ“. Пьеса эта, воплѣтъ заурядная, скоро была забыта, какъ и аналогичныя попытки членка „болодцевъ“ Д. С. Бортиянскаго.

Въ наше время именно А. Т. Гречаниновъ является горячимъ сторонникомъ введенія оркестра и органа въ православное богослуженіе.

Не входя здѣсь въ сужденіе о томъ, допустимо или недопустимо такое нововведеніе съ точки зрѣнія чисто церковной, можно ограничиться замѣчаніемъ, что утвержденіе

г. Гречанинова, будто хоровая музыка сказала свое „последнее слово“ и „звуковыя возможности хора исчерпаны“, не можетъ считаться правильнымъ.

Достаточно принять во вниманіе, что русская церковная музыка дониндѣ была гармонической; дальнѣйшее же ея развитіе пойдетъ по пути „контрапункта“...

Впрочемъ пусть композиторы усердно работаютъ въ направленіи, указываемомъ г. Гречаниновымъ, — плоды этой работы оцѣнитъ будущее; что же касается попытки самого А. Т. Гречанинова, то она, несмотря на многія достоинства, не отвѣчаетъ тѣмъ задачамъ, которыя надлежитъ представлять къ пьесамъ, предназначеннымъ для церковнаго употребленія.

Въ разсматриваемой кантатѣ инструментальная музыка не составляетъ единого цѣлаго съ музыкой вокальной; здѣсь мы имѣемъ дѣло какъ бы съ пѣніемъ подъ музыку, органической же связи между оркестромъ и хоромъ нѣтъ вовсе. Притомъ наименѣе удачно является именно партія оркестра. Неумѣренное употребленіе „треугольника“ и внезапные удары барабана имѣютъ грубоватый характеръ и наводятъ на мысль о музыкальных излишествахъ въ богослуженіи коптовъ и абиссинцевъ...

Однако безусловно хороши партіи хора. Первая часть кантаты, написанная на слова псалма 103-го („Благослови, душе моя, Господа...“), изложена прозрачно, бодро и отличается подлинной выразительностью. Здѣсь отлично рисуются звуками закатъ солнца и наступленіе тьмы.

Вторая часть — „Шныѣ силы небесныя“ — представляетъ собою интересную гармоническую обработку мелодіи такъ называемой „Симоновской“ херувимской. Въ этой части хороши отдѣльные эпизоды, имитирующие колокольный звонъ.

Глубокою педалью на *do* начинается третья часть — „Хвалите Бога“ — на слова псалма 150-го. Тема этой части — торжественнаго характера. Очень красиво заключеніе, величественное и многозвучное.

Кантата проф. С. И. Танѣва — образецъ „классической“ музыки. Сложный, узорный, но воплѣтъ строгій контрапунктъ, вотъ подлинная стихія этого замѣчательнаго московскаго композитора. Въ кантатѣ „По прочтеніи псалма“ ярко сказало исключительное мастерство композитора въ этой трудной области. Въ лучшихъ своихъ частяхъ, напримѣръ въ первомъ хорѣ первой части и великолѣпномъ восьмиголосномъ заключительномъ хорѣ, новое сочиненіе С. И. Танѣва можно

сопоставить съ классическими твореніями мастеровъ контрапункта—Баха и Бетховена. Огмѣтимъ еще превосходную тройную фугу“, которой кончается первая часть.

Въ короткой замѣткѣ не специального характера трудно дать полную оцѣнку этого произведенія съ точки зрѣнія его музыкальныхъ достоинствъ, которыя не подлежатъ сомнѣнію. Жаль однако, что такая превосходная музыка приурочена къ столь неудачному тексту, какъ взятое г. Танѣевымъ стихотвореніе А. С. Хомякова.

Не говоря уже о томъ, что вообще поэтическое дарованіе Хомякова довольно сомнительно, данное его стихотвореніе очень плохо и по формѣ, и убого по содержанію; оно проникнуто плоской, типично протестантской моральной тенденціей, падающей иногда до явнаго „иконоборства“.

До сихъ поръ я ничего не говорилъ объ исполненіи. Капитанъ С. И. Танѣевъ очень трудна. Несмотря на это, и оркестръ С. Кусевицкаго, и хоръ Л. А. Архангельскаго отлично справились съ лежавшей на нихъ серьезной задачей. Свои партіи они исполнили съ подлиннымъ мастерствомъ и большимъ одушевленіемъ. То же слѣдуетъ сказать и о исполненіи кантаты А. Т. Гречанинова и 10-ой симфоніи Бетховена, которой была посвящена вторая часть концерта 18-го февраля. **С—ій К—въ.**

Р. С. Въ настоящее время стала извѣстна программа концертовъ С. Кусевицкаго въ наступающемъ VI сезонѣ 1915—1916 г. Она разочаровываетъ. Конечно „Христосъ“ Листа, симфоніи Бетховена (2-я и 5-я) и Брамса (4-я), „Гибель Фауста“ Берлиоза нужны всегда, но къ чему, давая только 8 концертовъ, ставить Сенъ-Санса, Эльгара, Ц. Кюи и Рахманинова (послѣдняго—два!—даже двѣ пьесы), обходить Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, Равеля и др.!

С. К.

Кустарный трудъ.

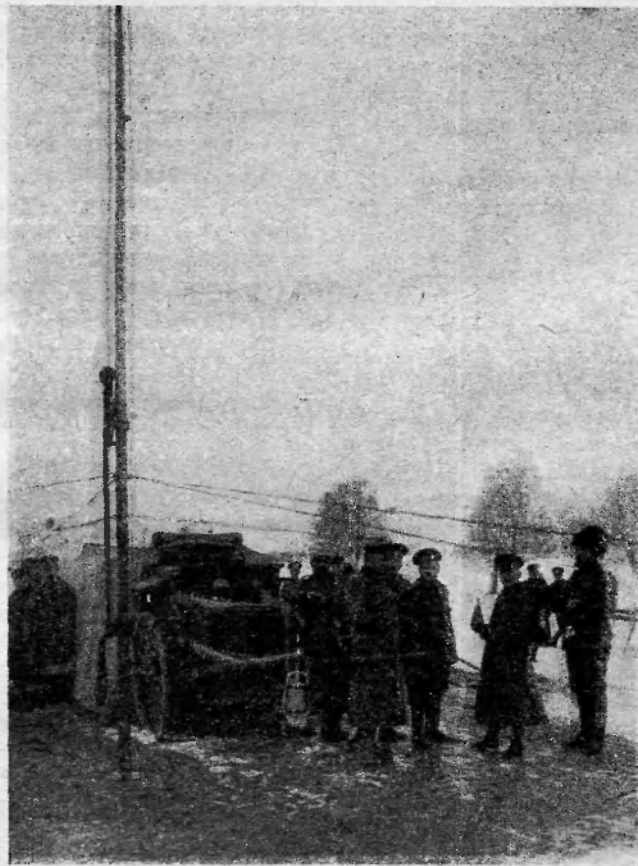
Надняхъ я просмотрѣлъ громадный, тяжеловѣсный томъ „Русское народное творчество на второй всероссійской кустарной выставкѣ“, изданный главнымъ управленіемъ землеустройства и землеустройства. Въ этой большой книгѣ текста не много, больше снимковъ съ кустарныхъ работъ, и послѣ просмотра ихъ получается опредѣленно-двойственное впечатленіе. Съ одной стороны, кустари вдохновляются подлиннымъ народнымъ творчествомъ и даютъ вещи оригинальныя, яркія, большой художественной цѣнности, съ другой же—образчиками, которые часто служатъ псевдо-народное, слащавое манерничанье въ стилѣ Земъ, Соломки и другихъ), результатомъ чего является типично-рыночная, пошловатая дешевка. Конечно

въ большинствѣ случаевъ послѣднее совершается подъ флагомъ людей, лишенныхъ художественнаго чутія; кустари покорно подчиняются этимъ самозваннымъ учителямъ и теряютъ мало-по-малу живую связь съ народной творческой фантазіей.

Труднѣе всего конечно примѣнять эти безусловно вредныя приемы въ иконописи—канонъ тамъ противится новымъ влѣніемъ, и такіе иконописные центры, какъ Мстера, хранятъ строго и нерушимо завѣты своего искусства. Больше отразились современныя влѣнія на игрушки и на мебели; вмѣсто любопытныхъ сказочныхъ персонажей появляются куклы а la Дойниковъ и мебель въ русскомъ стилѣ, излюбленномъ русскими вѣмцами—кресла съ топорами вмѣсто ручекъ и повсюду навѣшанными рѣзными полотенцами съ пѣтушками. Подобное раздвоеніе и обезличеніе кустарнаго труда крайне опасно и развратительно, тѣмъ болѣе что при благопріятныхъ, нормальныхъ условіяхъ развитія, при несобходимой самостоятельности и здѣсь возможно достиженіе большихъ не только промышленныхъ, но и художественныхъ результатовъ.

Вторая всероссійская кустарная выставка доказала воочію все значеніе кустарнаго труда, слѣдуетъ лишь признать за нимъ самостоятельное значеніе и обезпечить его отъ натиска рыночныхъ, опошляющихъ влѣній. Странно видѣть, что кустари вышиваютъ „коверь съ ваенновскими богатырями“ или уральскіе гранильщики производятъ вещи въ кабинетно-египетскомъ стилѣ; предъ кустарнымъ трудомъ открыта сокотознища народнаго творческаго духа и, черпая изъ нея, кустари будутъ совершать громадную, живую художественную работу.

Д. Крючковъ.

Искровая станція. Въ рукахъ офицера бомба съ аэроплана.

Пращуръ русскаго футуризма.

Ничто не ново подъ луною, а напротивъ—всякое бывало. Эти прекрасныя истины на каждомъ шагѣ находятъ себѣ подтвержденіе.

Перелистывая старыя книжки „Русскаго Архива“, я натолкнулся на разсказъ графа М. Я. Толстого („Мои воспоминанія“—Р. А., 1881 г., I. 312—313) о нѣкомъ Егорьевскомъ, котораго Толстой знавалъ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. Кандидатъ московскаго университета и корректоръ университетской типографіи, Егорьевскій „состоялъ въ должности шута“ при попечителѣ университета, П. И. Кутузовѣ, и не лучшую роль игралъ въ домѣ разсказчика. Егорьевскій писалъ стихи. Графъ Толстой приводитъ образецъ

его поэзіи, единственный образецъ, дошедшій до насъ. Описывается путешествіе курьера, у котораго лошади скачуть

„Съ рывкнмъ крикомъ мордныхъ дырочекъ
И носовыхъ похрипѣлочекъ,
Съ выгибами ногъ гульливыми,
Сзади, спереди вильливими
И при случаѣ брыкливыми“

Перваго русскаго футуриста не понимали, надъ первымъ русскимъ футуристомъ смѣялись, и только въ водкѣ—да, въ ней одной—обрѣталъ онъ утѣшеніе. Онъ испыталъ, что значить родиться не во-время. Живи онъ въ наши дни, — о, онъ былъ бы украшеніемъ и гордостью поэзо-вечеровъ Игоря Сѣверянина, его выписывали бы на гастроли въ провинцію, и на всю Россію звучали бы его похрипѣлочки.

Василии Ивановичъ Егорьевскій! Далекій! Единственный! Онъ погибъ въ смутѣ невѣжества и непониманія. По словамъ современника, онъ умеръ года черезъ два послѣ созданія приведенныхъ стиховъ. Смирненно склонился предъ мудрымъ вельніемъ судьбы.

Не забывайте же вы, великіе поэты земли русской, перваго пионера русскаго футуризма и поминайте его въ вашихъ святыхъ молитвахъ.

Н. Лернеръ.

Великопостное чтеніе.

Горячо рекомендуемъ любителямъ великопостнаго чтенія, наводящаго на спасительныя размышленія о грѣхахъ, глубокомысленную книжку С. Москаленко-Судіенко: „Новое о Демонѣ и бояринѣ Оршѣ“. Вы конечно знаете, что „Демонъ“ относится къ числу совершенно непонятныхъ произведеній Лермонтова, и потому не хотите его читать: что, молъ, браться за безнадежное дѣло! Но не огчаивайтесь: г. Москаленко-Судіенко поможетъ вамъ. „Демонъ“—просто „рѣшеніе вопроса о смерти огъ психическихъ причинъ“, такъ какъ Тамара умираетъ огъ „внззанныхъ и чрезмѣрныхъ приятныхъ потрясеній“, что неудивительно, если сообразить, что человекъ, яко „ограниченное существо“, не въ силахъ „перенести чрезмѣрную радость“. Въ наше безнравственное время крайне приятно встрѣчать такіе свѣтлые, высоко-моральные взгляды, какими биткомъ набита книжка г. Москаленко. Женихъ Тамары „въ мысляхъ подъ ночью тьмою уста невѣсты цѣловалъ“: „проступокъ прогивъ нравственности, поступокъ непозволительный до бракосочетанія“,— строго замѣчаетъ г. Москаленко. Да и Тамарѣ достается за гордыню: „она особенно гордилась своими способностями и искусствомъ плясать, пѣть и играть“, чѣмъ и соблазнила Демона. Читаетъ г. Москаленко Лермонтова необыкновенно внимательно. Почему напримѣръ нуть жениха къ Тамарѣ лежалъ по берегу Арагвы?—а очень просто: „посредствомъ ея онъ могъ чувствовать себя соединеннымъ съ невѣстой“. Чтобы сдѣлать поэму понятной даже малымъ дѣтямъ, г. Москаленко раздѣлялъ ее по-своему на нѣсколько частей и каждой далъ остроумное заглавіе. Напримѣръ: „Представленіе Тамары о Демонѣ“. Или: „Загробная судьба Тамары, а также нынѣшнее состояніе дома ея отца, въ которомъ погребена ова и ея отецъ“. Впрочемъ такія попытки разъ-

яснительной рубрикаціи извѣстны въ исторіи литературы. Такъ, одинъ провинціальный режиссеръ взялъ популярную трагедію „Гамлетъ, или вотъ такъ мамаша“ и далъ всѣмъ актамъ мѣткія названія: „Выходецъ съ того свѣта“, „Незношенные башмаки“, „Мертвецъ подъ ковромъ“, „Всеобщій кауцъ“. Методъ испытанный и всегда дающій отличные результаты.

Пророчество.

Вышелъ четвертый выпускъ „Архива братьевъ Тургеневыхъ“—письма А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова къ близкимъ въ 1804 г. Оба друга тогда совершили поѣзду по Германіи, Австріи, славянскимъ землямъ и особенно интересовались славянствомъ. Письма открываютъ намъ одинъ изъ самыхъ раннихъ, хотя слабыхъ еще, проблесковъ политическаго славянофильства. Жалкое духовное и государственное положеніе славянъ подъ властью нѣмцевъ и турокъ (побывали друзья и въ турецкомъ Бѣлградѣ) вызвало въ молодыхъ путешественникахъ горячее сочувствіе. Въ Прагѣ А. И. Тургеневъ замѣтилъ, какъ озлобляетъ чеховъ германизація. „Славяне чувствуютъ же притомъ, что они составляютъ двѣ трети всего австрійскаго государства, и, несмотря на строгость цензуры, просвѣщенные изъ нихъ распространяютъ это и между народомъ, который любитъ читать книги“. И Тургеневъ предсказываетъ, что для Австріи „въ войнѣ слѣдствія могутъ быть худыя“.

Библиографическія поправки.

1. Въ № 73-мъ газеты „Рѣчь“ (отъ 16-го марта) г. А. Левинсонъ, говоря о переводахъ Стендаля на русскій языкъ, утверждаетъ, что до сихъ поръ „Красное и черное“ не было издано у насъ отдѣльной книгой и что переводъ г-жи Чеботаревской является первымъ.

Это невѣрно: „Красное и черное“ было издано въ переводѣ Н. П. Чуйко, съ предисл. В. В. Чуйко, въ 1893 г. („Моя бібліотека“ № 49—54, изд. М. М. Ледерле и К^о, СПб., 659-III, п. 1 р. 20 к.)

Кромѣ того въ 1883 г. были изданы отдѣльно „Итальянская хроника“ (СПБ., 1883 г., изд. Чуйко, стр. 152, п. 75 к.), а въ книгѣ В. Вибикова „Три портрета“ (СПБ., 1890 г.) былъ помѣщенъ переводъ разсказа Стендаля „Эрнестина, или возникновеніе любви“ (стр. 26—73-я).

2. Петербургъ переименованъ въ Петроградъ 18-го августа 1914 года; до этого числа никакого Петрограда не существовало.

Между тѣмъ многія лица—въ патріотическомъ усердіи—пытаются изгнать слово „Петербургъ“ и изъ прошлаго. Недавно намъ пришлось видѣть каталогъ одного издательства, гдѣ перечисляются книги, „изданныя въ Петроградѣ“ въ 1896, 1910 и др. годахъ. А въ одномъ библиографическомъ журналѣ намъ попалась статейка о Мицкевичѣ, гдѣ чуть ли не въ каждой строкѣ повторяется тотъ же самый „Петроградъ“: „Мицкевичъ въ 1827 г. прѣхалъ въ Петроградъ“, „напечатанный въ Петроградѣ „Конрадъ Валленродъ“, и т. д.

Александръ Тиняковъ.

ПОЛНОЕ ОБОБРАЖЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціей Д. В. ФИЛОСОФОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. М. Шитрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:— Война и Миръ, Анна Каренина, Крейцеровъ соната, Воскресеніе, Дѣтство, отрочество и юность, Казаки, Утро помѣщика, Семейное счастье, Декабристы, Записка маркера, Два гусара, Поликушка. — **РАЗСКАЗЫ:**— Набѣгъ, Севастополь, Рубка лѣса, Встрѣча въ отрядѣ, Метель, Альбертъ, Людериъ, Три смерти, Холстомѣръ, Тихонъ и Маланья, Идиллія, Смерть Ивана Ильича, Хозяинъ и работникъ, Корней Васильевъ, За что?, Ягоды, Пѣсни на деревнѣ.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— Власть тьмы, Плоды просвѣщенія, Живой трупъ, И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, Отъ ней всѣ качества.

ПОСМЕРТЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— Хаджи Муратъ, Отецъ Сергій, Дьявольскіе, Послѣ бала, Фальшивый купонъ, Алеша Горшокъ, Зеленая палочка, Записки сумасшедшаго, Два спутника, Кто правъ?, Отецъ Василій, Кто убійца?, Иеромонахъ Исидоръ, Ходынка и проч. — **ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА:**— Чѣмъ люди живы, Первый винокуръ, Ходите въ свѣтъ, Кающийся грѣшникъ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ СОЧИНЕНІЯ:— Исловѣдь, Въ чемъ моя вѣра, Христіанское ученіе, Ученіе Христа, изложенное для дѣтей, Что такое религія, Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг. — **КРУГЪ ЧТЕНІЯ:**— **СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСкія,** а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія. — **ПЕДАГОГИЧЕСкія СОЧИНЕНІЯ** и пр. и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1915 году

видѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставивши себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическіе снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Бруслинина, Б. Верхоустинскаго, З. Гиппиусъ, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезинина, П. Соловьевой, В. Соллогуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Нгаиняго, Д. Левина, Н. Лериера, А. Мейера, Д. Мережиовскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, И. Добужинскій, Г. Лукоскій, Д. Шитрохинъ, М. Нечитайло-Андріенко, Н. Рорихъ, Н. Смирновъ, А. Соболева, С. Чехонинъ, В. Яннауръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и 82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го іюня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРІ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіи года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. или сатирич. „СМѢХЪ и САТИРА“, а также 12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и помощ.). ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 7 р. 50 к. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го іюня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и 50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ Льва Ник. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній) ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—ДВА (2) р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го іюня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательнo ли получать нумеръ „ГОЛОСОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, или БЕЗЪ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. Толстого.

Ввиду высокой цѣнности для культуры міра творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особенное вниманіе на тщательность печати и изящество внѣшняго вида полнаго собранія его сочиненій.